

Андреев Николай

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Кара Небесная

Книга 6

Николай Андреев
Кара небесная. Книга 6

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Андреев Н. В.

Кара небесная. Книга 6 / Н. В. Андреев — «ЛитРес: Самиздат»,
2005

Шестая книга из серии приключений поэта Романова. Одна из городских газет публикует список худших горожан года, другая - выносит смертный приговор. Кто это и сделал, как и зачем выясняет поэт Романов – один из тех, кто попал в этот список. Содержит нецензурную брань.

Николай Андреев

Кара небесная. Книга 6

Часть первая. «Список восьми»

Поэт Василий Романов – невысокого роста сорокапятилетний мужчина, одетый в мятые брюки и серый вязанный свитер, из-под ворота которого выглядывал узел небрежно повязанного галстука, стоял у окна. Смотрел с высоты четвертого этажа на размахивающего длинной метлой дворника во дворе и думал о том, как хорошо, наверное, быть неизвестным человеком, которого никто не знает, никто не трогает, не оскорбляет ни словом, ни делом, ни за что ни про что.

Половина зимы прошло, а снега не было. День был холодным, погода пасмурной, настроение, как у Романова, так и у его товарища Никиты Малявина – автора и ведущего телепрограммы "Криминальный репортаж" – подавленным и мрачным.

– Ты случайно не знаешь, когда пойдет снег? – спросил Малявин. – Что там синоптики говорят?

"Синоптики говорят: достали вы нас со своим снегом", – мысленно ответил Романов, а вслух сказал о том, что, если верить телевизору, циклон, надвигающийся с Ледовитого океана, дойдет до них через пару-тройку дней, но осадки, по всей вероятности, будут весьма незначительными.

– Значит, не пойдет, – подытожил Малявин. – Жалко. Без снега как-то совсем тоскливо.

Тяжело поднявшись из-за стола, он подошел к Романову. Похлопал ладонью по плечу и, немного помолчав, сказал:

– Да не расстраивайся ты так, Вась. Мало ли что про нас в газетах пишут?

"Конечно, мало, – подумал Романов. – Но лучше б вообще ничего не писали, чем так".

– Да как, Никита, не расстраиваться? – ответил он. – Ты же знаешь: я не из тех, кто сделает подлянку, а потом обижается на того, кто предал ее огласке. Заслужил – получи! Но тут-то совсем другое дело.

Малявин согласился:

– Другое.

– И ведь главное, за что? Я, понятное дело, не ангел, но чтоб вот так?.. У меня просто нет слов!

Малявин и тут согласился: подобрать слова в данном случае действительно нелегко.

– Ну, посетил я несколько закрытых вечеринок, – продолжал Романов. – Так я же не один их посещал – правильно? – кроме меня, там не одна толпа бездельников побывала... Ну да, выступал по телевидению. Но опять-таки, я не напрашивался – меня туда приглашали, причем, иной раз весьма настойчиво... Еще на презентациях бывал и фуршетах разных, но это уже не в счет.

– Всё в счёт.

– Нет, нет, надо что-то делать, надо придумать, как добаться до этих журналюг.

Мысль о том, что оскорбление, нанесенное журналистом Всевидящим, должно быть отомщено, не давала Романову покоя с того момента, как он прочитал в газете "Губернские ведомости" статью под названием "Худшие люди года". Конечно, можно было по совету Малявина не обращать внимания на абсурдные обвинения в прожигании жизни, но вся беда заключалась в том, что люди, прочитавшие сегодняшний номер ведомостей, это вряд ли когда забудут – пройдут годы и, услышав фамилию Романова, они будут всё также спрашивать:

"О каком Романове идет речь? Уж не о том ли, кто некогда получил приз "Большая затычка?"

Дворник ни на минуту не останавливался. Подобно равномерно качающему маятнику он размахивал метлой из стороны в сторону и, собирая раскрошенный колесами автомобилей лед, потихоньку шаг за шагом двигался от одного подъезда к другому.

– Нет, это просто невозможно, – ударил кулаком по подоконнику Романов. – С этим невозможно жить! Я убью их!

– Вась! Ну, чего ты? Успокойся, – тихим голосом попросил Малявин. – Сядь.

– Не могу я успокоиться! Не могу сидеть! Не могу стоять! Даже думать ни о чем не могу – хочу действовать!

– Что ты хочешь?

Романов сказал, что хочет пойти в редакцию, и там, не разбирая, кто причастен к сегодняшней публикации, кто нет, забить всех подряд. Охранник под руку попадется – охранника, журналист под псевдонимом Всевидящий – журналиста Всевидящего, главный редактор козел Бобриков – главного козла редактора Бобрикова.

– Ты чокнулся? – спросил Малявин.

Романов ответил: нет. И добавил, что поскольку в последнее время пьет меньше обычного, здравый ум и твердая память еще ни на секунду не оставили его без присмотра.

– Никита! Я всё понимаю: да, следует сидеть дома, да – не рыпаться, но... Не могу – хочу мстить!

Малявин мягко возразил Романову. Сказал, что за такую статью не мстить – под суд отдавать надо.

– А вот что касается того, чтобы побыть в одиночестве, то тут я с тобой полностью солидарен – это дело полезное, особенно для поэтов... Однако одним этим репутацию, думаю, все же не исправить. Хотя первое время посидеть дома, конечно, стоит.

– Хорошо, – согласился Романов. – А забить козла сможешь?

– Помогу. Но только в домино.

– Ты мне не друг!

– Ты сам себе не друг. На словах хочешь выпутаться из этой ситуации, а на деле только и думаешь о том, как бы ее усугубить.

Дворник остановился. Посмотрев себе за спину, он, казалось, впервые задумался над тем, чем ему приходится заниматься. На дворе январь, зима, а он, как и пять месяцев назад всё так же метет дорожки, только в этот раз не от мусора и опавших листьев, а от раскрошенного автомобилями льда.

Малявин взял газету. Наверху страницы было помещено сообщение о встрече находящегося в Германии с двухдневным рабочим визитом губернатора области Егора Ревы с президентом компании "Даймлер-Крайслер сервисез АГ" Клаусом Мангольдером. По сообщению департамента информации губернатора, в ходе беседы были обсуждены вопросы возможного участия "Даймлер-Крайслер" в создании совместных предприятий и сервисных центров и финансирования модернизации завода комбайнов. Внизу – статья Всевидящего под названием "Худшие люди года".

Покосившись на уткнувшегося в окно Романова, Малявин откинулся на спинку стула и принялся перечитать ее.

В первых строках статьи говорилось о нравах, царивших в городе, об участившихся случаях убийств и самоубийств, о необычайно высоком уровне проституции, а также о проститутках и тех, кто входил в их число.

По словам автора статьи – Всевидящего, к проституткам надо относиться без какого-либо предубеждения – сугубо прагматично. Так, если они любят, чтобы их на работе регулярно насиловали – то есть, заставляли насильно работать, их надо регулярно насиловать в самых разнообразных формах – заставлять валить лес, пробивать тоннели в скалах, добывать уран и колоть уголь. Если же они при этом еще имеют наглость получать удовольствие от работы,

сделать так, чтобы удовольствие это длилось как можно дольше, лет эдак десять-двадцать с поселением на местах бывших комсомольских строек. Потом ещё Всевидящий поговорил о похоти, жадности, продажности, лени и праздности.

(Автор считал, что похоть, жадность, продажность, лень и праздность страшны не только тем, что развращают человека – это еще как бы полбеда – беда, по его мнению, заключалась в том, что все вышеперечисленные грехи провоцировали разного рода тяжелые преступления).

Затем Всевидящий ко всему вышесказанному добавил коррупцию и предложил отметить на страницах газеты тех, чьи пороки были наиболее заметны в прошедшем году.

Хит-парад "Губернских ведомостей" открыл проректор медицинского института Степан Иванович Ребко, награжденный виртуальным призом "Липкие руки", как было сказано в статье, "за плодотворную работу по извлечению и получению незаконных доходов в рамках учебной программы". Ребко, как отметил автор, в отличие от других соискателей приза, проявил недюжинную настойчивость и смекалку по сбору денег во вверенном ему хозяйстве. Так, за семьдесят лет существования института только ему в течение одного учебного года удалось собрать три урожая взяток (со вступительных экзаменов, с зимней и летней сессий), причем, не только с абитуриентов и студентов, к чему все давно привыкли и относились, как к должному, но и с коллег-преподавателей.

Приз имени Плюшкина – самому жадному человеку, был присужден одной из наиболее преуспевающих деловых женщин города – Ольге Петровне Грушиной. Автор статьи назвал сумму, которую та оставила в модном бутике (сумма хоть и была намного меньше ее реального дохода, зато вполне сопоставима с доходом, указанным в налоговой декларации), и напомнил историю, о которой газета "Губернские ведомости" рассказывала полгода назад... Дочь Ольги Петровны Танечка получила закрытую травму левой руки после неудачного падения с качелей. Мать отвезла ребенка в частную клинику, где поправляла здоровье сама, однако, узнав, во что обойдется лечение, тут же направилась в обычный травмпункт. В обычном травмпункте рентген обычно работает не всегда, и Ольга Петровна повезла Танечку в другую больницу на другой конец города. Там их долго отказывались принимать без медицинского страхового полиса, и пока мать ругалась с врачами, в руке ребенка произошли необратимые изменения, в результате чего ее в ту же ночь пришлось ампутировать. Ольга Петровна, естественно, подала на врачей в суд и, естественно, выиграла его, а деньги, сэкономленные на лечение дочери, по словам Всевидящего, потратила на восстановление своей нервной системы в одной из частных клиник города.

Приз имени Обломова – самому ленивому горожанину – был присужден дежурному оперативной части капитану полиции Третьякову Вячеславу Викторовичу. Как показало служебное расследование, Третьяков за период с января по декабрь, отказал в возбуждении уголовных дел чуть ли не каждому второму потерпевшему. Большинство случаев касалось мелких краж, однако были среди них и весьма тяжкие преступления, такие, например, как изнасилование мужчины группой нетрезвых женщин. По словам потерпевшего, капитан Третьяков в грубой форме пообещал ему найти насильниц и поместить на всю ночь в одну с ним камеру в случае, если он, потаскун, еще раз подойдет к РОВД ближе, чем на пушечный выстрел.

Приз "Услужливое перо" получил журналист "Свежей газеты" Анатолий Николаевич Кудрявцев за серию статей, посвященных строительству многоэтажного дома по улице Первомайской. В первой из них Кудрявцев рассказал о фирме "МИС", промотавшей деньги дольщиков на ранней стадии строительства, а также о несчастных судьбах самих дольщиков, оставшихся в одночасье без жилья и денег. Во второй Александр Николаевич порадовал читателей интервью с владельцем строительной фирмы Косоуровым, с которым, судя по материалу, был в добрых отношениях, хотя раньше знаком не был, а также очерком на тему низкой юридической грамотности населения. (По его словам, договор между застройщиком и дольщиками был составлен таким образом, что у вторых к первым претензий не могло быть в принципе, из чего

сделал вывод: дольщики оказались обездоленными главным образом из-за своей несусветной глупости). В третьей статье, вышедшей сразу после того, как прокуратура завела уголовное дело по отношению к фирме "МИС", Кудрявцев обрушился всей мощью своего таланта на аферистов от строительного бизнеса. Но когда уголовное дело потихоньку сошло на нет, а журналисты, близкие к руководству города, пронюхали о том, что фирма "МИС" входила в состав одного из коммерческих подразделений, подконтрольных младшему сыну мэра Берга – Александру, вышел с философским рассуждением на тему коммерческих рисков. (Главная мысль рассуждения заключалась в том, что поскольку риск в финансовых сделках между заказчиком и плательщиком несут обе стороны, то и возможные потери обязаны нести не только те, кто рискует чужими деньгами, но и те, кто не боится рисковать своими). Уголовное дело в итоге закрыли, фирму "МИС" ликвидировали, что же касается строительства дома, то его продолжила новая строительная компания (тоже по слухам, входящая в состав одного из коммерческих подразделений, подконтрольных младшему сыну мэра Александру), но уже совсем для других дольщиков, заплативших совсем другие деньги.

Приз "Несгибаемый фаллос" – за патологическую тягу к женскому полу, получил солист областной филармонии Лёша Соловушкин. За свою сорокатрехлетнюю жизнь он, как писал Всевидящий, был не раз женат и не раз бит оскорбленными мужьями. Особенно "урожайным" оказался для него прошедший год. В марте во время весеннего сексуального обострения его избил барабанщик группы, с которым они некогда начинали музыкальную карьеру, а в октябре, во время осеннего обострения, – охранники одного известного в городе коммерсанта. (Травмы, полученные Соловушкиным во втором случае, оказались столь серьезны, что врачи хирургического отделения городской больницы некоторое время всерьез опасались за его половое здоровье. Но, как вскоре выяснилось, совершенно напрасно). Едва оправившись от травм, Лёша Соловушкин на деле доказал, что больше кого-либо в городе достоин этого приза. Вечером, сразу после выписки, он отправился на свидание, а утром явился на репетицию с фирменным фингалом от барабанщика. В конце заметки автор статьи пожелал Соловушкину еще большей активности в достижении поставленной цели и еще большей твердости при ее реализации, после чего предложил читателям перейти к следующей номинации – "Неутомимая вагина".

Приз "Неутомимая вагина" – за патологическую тягу к мужскому полу, получила дама полусвета – Изабелла Дзержинская. О ней, по словам автора, мало что известно: проституцией занималась с пятнадцати лет, на учете в полиции состояла с семнадцати, в кожвендиспансере – с восемнадцати. В тридцать семь – на излете карьеры – удачно выскочила замуж за богатого торговца антиквариатом, а в сорок три, видимо, устав от сытой жизни, предалась прежнему занятию – отдавать себя тем, кому после пива и водки требовалась любовь и ласка. Муж – антиквар, узнав об этом, Изабеллу прогнал, а журналист Всевидящий наградил от имени газеты "Губернские ведомости" своим виртуальным призом.

Приз "Абсолютный ноль" – самому никчемному, самому пустому человеку города – получил Виктор Владимирович Лемтюгов. Поскольку говорить о нем, простом рабочем, ничем не увлекающемся, ничего, крепче чая не пьющим даже по большим праздникам, нечего (ноль, он и есть ноль, сколько к нему слов не прибавляй), автор статьи предложил сразу перейти к последнему призу – "Большая затычка".

Приз "Большая затычка" – за неистребимое желание быть на виду – вручили поэту Василию Сергеевичу Романову за то, что тот в прошедшем году не пропустил ни одного мало-мальски заметного в городе события. Он был везде, где были нарядные женщины, фотографы, телевизионщики, шампанское и бесплатная икра. Публикаций от Романова в этом году никто не видел, зато все видели, как он – известный поэт – в пьяном угаре лихо отплясывал на сцене ресторана "Вечерние огни" канкан в обнимку с полуголыми танцовщицами варьете. (По мнению Всевидящего, в городе образовался порочный круг – поэт Романов, для того, чтобы поддерживать известность к себе, вынужден посещать все устраиваемые в городе вечеринки, а

устроители вечеринок, для того, чтобы поддержать реноме преуспевающего заведения, вынуждены приглашать отъявленных тусовщиков, вроде поэта Романова, чье лицо чаще других мелькало на страницах светской хроники).

Прочитав вслух последнюю строчку: "Чье лицо чаще других мелькало на страницах светской хроники", Малявин отодвинул от себя газету. Задумчиво почесал указательным пальцем висок и сказал, что во многом согласен с автором статьи – не замечать подобных людей для журналиста непростительная роскошь. Другое дело, как это подавать.

– Так материал подавать, конечно, нельзя – не профессионально. О таких вещах надо говорить с осторожностью, боясь навредить... Вот я, например, категорически не согласен с тем, что Славка Третьяков является самым ленивым человеком в городе. Во-первых, это не правда, есть куда более ленивые, причем, не только в полиции, во-вторых, так как он поступают практически все – отчетность-то у нас еще никто не отменял! – ну а в-третьих, у него и без этой статьи неприятностей полон рот...

– Я тоже не согласен! – перебил Романов. – Я тоже не бездельник. Я тоже работаю каждый день, хоть этого никто не видит.

Малявин согласно кивнул. Прошептал задумчиво: "Ну да, ну да", и надолго замолчал.

Тем временем, дворник, видимо, решив, что большего идиотизма, чем мести лед, пусть даже раскрошенный до состояния мусора, быть не может, взялся за лопату. Словно опавшие листья собрал его в большую кучу, перекинул подальше от тротуара и, видимо, по привычке собираясь поджечь, потянулся к карману за спичками. Потом опомнился, сплюнул с досады и, махнув рукой, дескать, гори оно само синим пламенем, направился со двора.

Первым молчание нарушил Романов. Неотрывно глядя в окно, сказал, что Степу Ребко, по его мнению, тоже напрасно оклеветали.

– Был я у него дома в Нахаловке, видел, как он живет. Ничего особенного.

– Ты знаком с ним?

Проводив взглядом расстроенного дворника, Романов сказал, что много лет назад, будучи подростками, они вместе проводили летние каникулы в деревне.

– В какой деревне?

– В Зверевке.

– В Зверевке?

– Да, там родина моего отца. И Степы Ребко тоже.

– Странное название.

– Да, – согласился Романов, – странное. Впрочем, там все странное: название, люди, природа...

– А с природой что не так?

– Да нет, все так. Просто места там уж очень глухие – настоящая тайга. Отойдешь от дома на километр и всё, считай, заблудился. Поэтому мы, городские, в лес только толпой ходили, одних нас туда не пускали.

– Ребко тоже с вами ходил?

– И Ребко, и другие дети... Была среди нас одна девочка, не помню, как звали, так её – представляешь? – оса в гортань укусила, и она задохнулась прямо на наших глазах.

– Анафилактический шок?

– Ну да... А еще мальчик с нами был один – Игорь Самородов. Он как-то оступился и провалился в болото по самую шею. Еле вытащили.

Малявин спросил: не тот ли это Игорь Самородов, что ныне руководит русским драмтеатром.

Романов кивнул: тот самый.

– Хороший, кстати, мужик – толковый, могу познакомить. Мы с ним встречаемся изредка... А вот с остальными, к сожалению, уже нет.

Увидев, что Романов за воспоминаниями отходит от шока, вызванного статьей в газете, Малявин решил подольше поговорить о детстве. Сделав вид, что его весьма заинтересовала эта тема, спросил: кто входил в компанию, где они сейчас, чем занимаются и что еще интересного происходило с ними в тайге.

Романов задумался. Пожав плечами, сказал, что в его компанию входили только городские ребяташки – местные держались обособленно – и было их, если ему не изменяет память, семь или восемь человек.

– Трое из них – девочки, включая ту, что умерла от анафилактического шока... Где они сейчас? Не знаю. Ни с кем, кроме Ребко с Самородовым, я с тех пор не встречался. Хотя, представься такой случай, возможно, не отказался бы.

– Имена-то их еще помнишь?

Романов поморщился. Сказал, что каждому из них в то лето он посвятил по стихотворению.

– Поэтому можно попробовать вспомнить... Так, одного из них звали, кажется, Лёня Лёнькин. Да. Других – Славик... Витя... Толька... А вот фамилии не скажу... Что же касается девочек, то их звали, это я хорошо запомнил, Романовы. Нина и Оля... Я ухаживал за Ниной, Степка – за Олей.

– Родственницы?

Пренебрежительно махнув рукой, Романов бросил:

– Нет.

Потом подумал-подумал и неуверенно добавил:

– Да вряд ли.

Потом еще немного подумал и, с сомнением покачав головой, поправил себя:

– Хотя ты, знаешь, всё может быть... Я так думаю, в Зверевке все Романовы в той или иной степени приходятся друг другу родней.

– И чем вы там занимались? По тайге бродили? Грибы, наверное, собирали, ягоды?

Романов нетерпеливо кивнул. Сказал, что, бродя по тайге, они собирали грибы, ягоды, травы с орехами.

– А однажды – ты не поверишь! – мы пошли искать берлогу медведя, на которого, по словам Игоря Самородова, они с отцом охотились зимой, а набрали на самый настоящий самолет!

– Самолет? Да ну, брось врать. Кто ж его там оставит?

– Да никто его там не оставлял! Он упал и разбился!

Рассказывая об упавшем самолете, Романов заговорил горячо и быстро – так, словно это событие произошло с ним не тридцать лет назад в двухстах с лишним километрах от того места, где они сейчас находились, а только что за углом соседнего дома.

– Представь себе, Никита, картину! Вокруг тайга, болота. В тайге лежит разбитый самолет, а рядом на полянке – старая могилка без креста. В ней, видимо, мордвины похоронили погибших летчиков.

– Да ты что!

– Точно тебе говорю!

– Самолет был боевой?

– Транспортный.

– Как догадался? По фюзеляжу?

– По металлическому ящику. От удара ящик раскрылся, и из него высыпались какие-то грязного цвета камушки.

– Что за камушки?

Романов поморщился.

– Откуда я знаю. Я что, геолог?

– Как интересно! И что дальше?

– А дальше, – ответил Романов. – Мы побежали в деревню. А когда прибежали, решили никому из взрослых ничего не рассказывать.

– Почему?

– Потому что в этой роще мы по надобности наложили кучи говна. И только потом, когда собрались уходить, увидели деревянного идола.

– Кого-кого?

– Не кого, а чего, – поправил Романов. – Идола... Рядом с этим местом, в нескольких километрах, жила мордва, и Степа Ребко – самый смекалистый из нас – первым догадался, куда нас, дураков, занесло. А занесло нас в их священную рощу. О ее существовании в Зверевке все знали. Ей, если верить бабушке, чуть ли не тысяча лет!

Малявин удивленно покачал головой: надо же.

– Я только не понял, чего вы взрослым-то ничего не сказали?

Словно теряя терпение, Романов всплеснул руками. Спросил: чего ж тут непонятного.

– Расскажи мы о том, что были в священной роще, об этом сразу б прознали мордвины, и тогда б у нас могли возникнуть большие-пребольшие проблемы!

Увидев, что Малявин опять ничего не понял, сказал, что зайти в священную рощу, сломать в ней ветку, разжечь костер, справить нужду – означало осквернить ее, а, следовательно, оскорбить чувства тех, кто верил в то, что она воистину священна.

– Как на это отреагирует мордва, мы не знали, а вот раньше за это она могла убить. Такое уже, говорят, бывало.

Выговорившись, Романов медленно отвернулся к окну. По тому, как внезапно изменилось его лицо, Малявин понял: с воспоминаниями на сегодня покончено и разговор, видимо, опять пойдет о том, с чего начался – со статьи в "Губернских ведомостях".

– Нет, ну надо же? – вздохнул Романов, уткнувшись лбом в стекло. – А главное, за что? Непонятно... Просто нет слов.

***

Слов не было только у Романова – всем остальным было что сказать. Проректор медицинского института Степан Ребко через день после публикации в газете списка худших людей года, отправился в прокуратуру, писать жалобу на журналиста Всевидящего. Проговорив со следователями четыре часа, вернулся на работу, закрылся у себя в кабинете и за каких-то тридцать-сорок минут напился до невменяемого состояния. Ольга Грушина, прочитав статью, устроила разнос секретарше, чья единственная вина заключалась в том, что ее муж – водитель – работал в какой-то газете, и на весь офис обматерила журналиста "Вечерней газеты", попросившего прокомментировать статью коллеги из "Губернских ведомостей". Анатолий Кудрявцев разразился большой статьей под названием "Шельмование, как способ конкурентной борьбы за читателя", в которой ни словом не обмолвившись о том, в чем его обвинял Всевидящий, рассказал, как в "Губернских ведомостях" готовятся так называемые сенсационные материалы. А готовятся они, по его словам, так. Когда тираж падал, главный редактор Бобриков вызывал к себе подчиненных и требовал громких событий. Поскольку громкие события, способные расшевелить угасший орган печати, в городе случались не так часто, как бы этого хотелось его владельцам, в ход шли стимуляторы, вроде вымысла и лжи. Именно так появились статьи, которые, по словам Кудрявцева, поставили позорное клеймо на деловой репутации «некогда популярного издания»

Но так думали далеко не все. Кто-то считал: всё в газете написано правильно – пока людям не покажешь себя в зеркале такими, какими их видят окружающие – толку не будет. Кто-то, подобно Никите Малявину, в целом соглашаясь с Всевидящим, критиковал за то, что

он ведет себя подобно неуклюжему слону в посудной лавке. А кто-то просто и бесхитростно радовался тому, что назревал скандал.

Скандал действительно назревал. Это стало ясно после того, как главный редактор "Губернских ведомостей" Бобриков выступил со страниц своей газеты с просьбой к читателям отнестись с пониманием к позиции журналистов, обеспокоенных резким падением нравов в городе, в то время как в самой редакции полным ходом шло служебное расследование обстоятельств появления в свет нашумевшей статьи.

(По слухам, никем не опровергнутым и оттого казавшимся еще более правдивыми, в редакции пытались выяснить, кто из журналистов газеты скрывается за псевдонимом Всевидающий, и каким образом его опус попал в печать).

***

Ровно неделю Романов сидел дома. На звонки не отвечал, сам никому не звонил, днем писал стихи об одиночестве человека, окруженного враждебным миром, а вечером, когда голова была пуста, пил водку.

Утром восьмого дня в его квартире раздался очередной телефонный звонок. Романов покосился на чистый лист бумаги и, не почувствовав сил выдать из себя ни строчки, снял трубку.

– Алло! – раздался в трубке насмешливый голос Никиты Малявина.

– Да.

– Слышишь меня?

– Слышу.

– Ты чего это на звонки не отвечаешь?

– Занят.

– Стишки пишешь? Молодец, правильно. Хочешь развеяться?

– Нет.

– Отлично! Значит, приходи сегодня в половине пятого к типографии номер один. Знаешь, где это? За домом культуры Строителей, в промзоне. Только слишком не выражайся, не на вечеринку пойдем. В общем, думаю, ты меня понял. Всё, пока, жду.

Не успел Романов сказать Малявину о том, что не собирается никуда идти, особенно с ним, особенно в половине пятого, как связь оборвалась. Романов выругался в онемевшую трубку и, бросив ее на место, показал телефону кукиш.

– Вот тебе, а не типография!

Через час Романов заскучал. Через два принялся лениво размышлять о том, что поэту, окруженному враждебным миром, необходимо время от времени познавать его. Потом, еще немного подумав, пришел к мысли, что единственным способом познания является опыт и ровно в шестнадцать ноль-ноль вышел из дома.

Здание типографии представляло собой огромную многоэтажную коробку, выстроенную в стиле примитивизма. Архитектор, разрабатывавший проект, не позволил себе ничего лишнего – минимум отделки, максимум окон, четыре одинаково голые стены, два ската шиферной крыши и один подъезд.

Малявин стоял на обочине дороги, в окружении двух мужчин. Поздоровавшись с Романовым, он посмотрел на часы и, укоризненно покачав головой, попенял за опоздание.

– Я вообще не хотел приходить, – буркнул Романов.

– И многое бы потерял.

Малявин повернулся к одному из мужчин, сидевших в микроавтобусе с надписью TV, и попросил еще раз проверить систему.

– Да нормально всё, – сказал тот, бросив взгляд на дисплей ноутбука. – Сигнал стабильный.

Малявин поправил галстук на шее. Подмигнув Романову, попросил найти на его одежде скрытую видеокамеру.

– На тебе видеокамера? – удивился Романов. – Я не вижу.

– Это хорошо... Ну, ладно, пошли, а то сменщик, говорят, уже вышел.

Кивнув окружавшим его мужчинам, Малявин взял Романова за локоть и быстрым шагом повел в сторону типографского подъезда. Спросил скороговоркой: слышал ли он о том, что журналиста Всевидящего в "Губернских ведомостях" оказывается никто не знает, и что в отправленном из редакции в типографию макете газеты статьи о худших людях города не было, а был репортаж об открытии губернатором Ревой нового детского сада.

Романов остановился.

– Что, значит, не было?

– Это значит, – Малявин потащил Романова дальше, – что тот, кто называет себя Всевидящим, каким-то нелегальным образом подменил написанный Георгием Горским репортаж на свою вонючую статью.

– Откуда знаешь?

Малявин попросил не обижать его. Сказал, что работает тележурналистом не один десяток лет, и за этот не один десяток лет сумел обрасти кое-какими связями.

– А если короче?

– Если короче, мне об этом шепнул сам Горский.

Не успевая за Малявиным, Романов прибавил шаг.

– Послушай, – спросил он, – а как...

– А как Всевидящий это сделал, пусть теперь в редакции "Губернских ведомостей" разбираются. Мы же с тобой разбираться не будем – мы с тобой, Вася, сами будем статьи подменивать... Я думаю, тебе, пострадавшей стороне, это будет интересно.

С этими словами они подошли к вахтерке охранника. Не останавливаясь, Малявин бросил в окошко: "Мы из газеты, нас ждут" и, не переставая говорить, направился дальше.

– Мне кажется, я знаю, как Всевидящий это провернул... В общем, смотри, Вася, и слушай.

Они поднялись на второй этаж. Прошли пустым гулким коридором десять шагов и остановились у двери с надписью "Отдел фотовывода. Инженеры Шебалкин А.И., Мишуков В.В.". Встав так, чтобы в фокус скрытой камеры попала табличка, Малявин громко произнес:

– Мы находимся у отдела фотовывода. Именно сюда поступают по электронной почте макеты газет для дальнейшей обработки.

Малявин без стука толкнул дверь и вместе с Романовым вошел в пустую комнату, где кроме двух столов, с включенными компьютерами, трех тумбочек, на которых валялись ворохи бумаг, четырех табуреток и одной вешалки, ничего заслуживающего внимания не было. – Здесь, как вы видите, пусто. Идет пересменка. Один инженер уже ушел, он работает до пяти часов, другой, который работает с пяти до полуночи, еще не явился. Компьютеры, прошу обратить внимание, включены.

В этот момент дверь открылась, и на пороге вырос худой паренек с длинными волосами. Ничуть не удивившись присутствию в отделе чужих людей, разделся и сел за один из компьютеров.

– Мы хотим своими глазами увидеть отпечатанный тираж, – затискивающим голосом объяснил свое присутствие Малявин.

Длинноволосый парень согласно кивнул – дескать, ради чего еще сюда приходите-то? – и предложил посидеть, подождать.

– Хорошо, – согласился Малявин. – Мы так и сделаем.

Помолчал немного и, обращаясь к Романову, сказал, что работа инженера фотовывода весьма ответственна – он обрабатывает поступающие в печать макеты газет.

Сначала Романов не понял, для чего Малявин это сказал. Потом догадался, что сказано это, видимо, было в качестве комментария к идущей видеозаписи, и решил подыграть.

Спросил:

– Что значит, обрабатывает?

– Это значит, – охотно откликнулся Малявин, – что он приводит в соответствие с определенными стандартами шрифты, которыми напечатан текст, иначе буквы превратятся в нечитаемые знаки, ну и многое другое.

Инженер поднялся из-за стола. Усмехнулся в сторону Малявина и, на ходу вытаскивая пачку сигарет, молча вышел из комнаты.

Его место тотчас занял Малявин. Со словами: "Я сейчас попробую показать то, как журналист Всевидящий подменил статью в газете", навел стрелку компьютерной мыши на конверт с ярлыком "Губернские ведомости". Нажав на левую клавишу, раскрыл его и, вслух комментируя свои действия, выбрал нужную страницу. Не трогая колонтитулы – верхнюю часть газеты с указанием ее названия, порядкового номера и номера страницы – удалил в макете содержание первой попавшей под руку статьи и вместо нее вставил текст со словами: "Люди! Не верьте газетам – они лгут! Верьте городскому спутниковому телеканалу и программе "Криминальный репортаж с Никитой Малявиным!" После чего закрыл файл "Губернских ведомостей" и с довольным видом отошел от компьютера.

Инженер фотовывода вернулся в отдел через три минуты. Сел за табуретку и, ничего не заметив, застучал пальцами по клавиатуре.

– Теперь макет газеты пойдет в печать, – громко произнес Малявин. – Завтра утром специальная машина заберет из типографии тираж и развезет по разным местам – большую часть на склад почты России, оттуда в киоски, почтовые отделения, сортировочные склады. И замечательная русская поговорка "Что писано пером – не вырубешь топором" в очередной раз обретет свой буквальный смысл.

С этими словами он встал с табуретки. Посмотрел на наручные часы и, нарочито ахнув, предложил Романову собираться.

– А как же отпечатанный тираж? – не отрывая головы от компьютера, спросил длинноволосый парень. – Не будете смотреть?

– Да ну его! – махнул рукой Малявин. – Пускай теперь другие смотрят.

Выйдя на улицу, Романов глубоко вздохнул. Поеживаясь от мороза, спросил Малявина: неужели "Губернские ведомости" завтра так и выйдут с призывом не читать газет – смотреть телевизор.

– А чего ты за них переживаешь? – усмехнулся тот. – Добренький что ли?

– Да нет. Просто они же, получается, не виноваты – их, как я понял, Всевидящий подставил? Ведь так?

– Может и так, – нехотя, согласился Малявин. – Только чего они защищать-то его сразу кинулись? Отнесите, мол, с пониманием к позиции отдельных журналистов, обеспокоенных падением нравов в городе. Тьфу!

– Последствий испугались, вот и решили скрыть это дело.

– Ну да. А на Вячеслава Третьякова им, выходит, наплевать. А его, между прочим, из органов собираются турнуть!

– И меня, кстати, тоже ни за что, ни про что оклеветали.

– Ну, тебя-то ладно, тебя-то выгонять неоткуда, ты не работаешь, а вот Вячеслава...

Огорченно махнув рукой, Малявин направился в сторону ожидающего его микроавтобуса с надписью TV. На полдороге остановился и, обернувшись к Романову, посоветовал не

переживать – он позвонит куда надо и завтра газета "Губернские ведомости" выйдет такой, какой она должна была выйти.

***

Передача "Криминальный репортаж с Никитой Малявиным", в которой рассказывалось о том, как любой мало-мальски знакомый с издательским делом человек может разместить в газете всё, что ему ни взбредет в голову, вышла на телеэкраны города как обычно в понедельник вечером сразу после программы новостей. Малявин надеялся на то, что после ее показа в городе поднимется шум, но на деле всё вышло иначе – никто, кроме руководства канала, объявившего ему выговор за то, что он чуть было не сорвал выпуск уважаемой газеты, не заметил ее. Оказалось: горожан совершенно не интересует ни то, каким образом некоторые статьи попадают в прессу, ни то, для чего они пишутся, ни то, что происходит с теми, кого в них критикуют.

У Малявина была своя версия неадекватной, по его мнению, реакции горожан на его последнюю передачу. Он считал, что вызвана она тем, что заставила людей усомниться в правильности выбора худших людей года по версии "Губернских ведомостей". Из чего сделал вывод: многим хочется верить в то, что в городе есть люди гораздо хуже их самих, и разубеждать их в этом не только бесполезно, но и с точки зрения рейтинга передачи, крайне вредно.

***

Выйдя из дома, Вячеслав Третьяков – сорока четырехлетний мужчина, одетый в кожаное пальто и подбитую мехом кепку – неторопливо закурил сигарету. Послушал, о чем говорят стоявшие у подъезда соседки, поделился с ними последними новостями и, не спеша, отправился на прогулку. С улицы Чкалова свернул на Интернациональную, постоял минутку возле кинотеатра "Водник", вспоминая, когда в последний раз смотрел кино, и побрел дальше. У кафе "Достоевский", почувствовав, как лоб в очередной раз стянуло тупой болью, остановился. Раздумывая над тем, что делать дальше – вернуться к понижающим давление мочегонным таблеткам или же на месте выгнать из себя мочу каким-нибудь другим более радикальным способом, например, ударной дозой алкоголя – позвонил в кармане мелочью, и направился в сторону кафе.

Кафе только что открылось. В пустом зале было холодно и тихо. Из-за двери, ведущей на кухню, какое-то время доносился магнитофонный голос певца, хрипевшего о людях в клетках, но и он вскоре затих.

Заказав водку, Третьяков сел за столик в самом углу зала. Налил в маленькую рюмку пятьдесят грамм и, задержав дыхание, залпом выпил. После чего закусил ломтиком селедки с луком, закурил сигарету и налил еще пятьдесят.

В кафе вошел молодой человек в узком пальто и рыжей шапке с опущенными ушами. Сделав заказ в баре, огляделся по сторонам, выбирая, где бы сесть, и решительно двинулся к Третьякову.

Спросил: можно ли ему присоседиться.

– Тебе чего, парень, пустых столиков мало? – не поднимая глаз, спросил Третьяков.

– Нет, но мне хочется именно здесь.

– А мне нет!

Молодой человек виновато улыбнулся.

– Я вам не помешаю. Я буду вести себя тихо, честное слово... Знаете, зал здесь такой большой, что мне за пустым столом, боюсь, будет слишком одиноко.

Третьяков хотел послать его куда подальше, но, услышав о том, что кому-то в этом городе тоже одиноко, передумал. Освобождая место на столе, подвинул к себе корзинку с хлебом и кивнул на свободный стул.

– Ладно, присаживайся... Как звать?

– Родион, – ответил молодой человек. – Или Родя. Можно и так, и так – как вам больше нравится.

– Студент?

– Да, студент.

"Врет, – подумал Третьяков, разглядывая его лицо. – Никакой он на хрен не студент".

– Точнее, бывший студент, – словно услышав его мысли, поправил себя Родион. – Сейчас я временно не учусь.

"Ну, вот! Так бы сразу и сказал: бывший. А то – студент!"

– Да? Ну и где мы постигали азы науки? В институте искусств, небось?

– Почему в институте искусств? Нет. В университете на юридическом факультете.

– Надо же. Коллега, значит... Ну что ж, коллега, давай, рассказывай, за что турнули?

Так, словно речь зашла о какой-то ерунде, о которой и говорить особо нечего, Родион сказал, что никто его из университета не выгонял – сам ушел, когда закончились деньги.

– А вас, – спросил он, – как прикажете звать?

– Меня? Зови Вячеславом Викторовичем, не ошибешься.

– Вы юрист?

– Юрист. Как и ты, тоже бывший.

– Понятно... А сейчас, если не секрет, чем занимаетесь?

– Ничем. Я на пенсии. Аж два дня... Водку будешь?

– Спасибо. Я уже заказал, сейчас принесут.

– Да ладно, – пренебрежительно махнул рукой Третьяков. – Пей пока мою. Мою выпьем, а там, если покатит, за твою возьмемся – не дадим пропасть.

Не дожидаясь согласия, он взял со стола графин и наполнил водкой до краев рюмку из второго прибора.

– Ну что, коллега? За что будем пить? Предлагайте тост.

Застенчиво улыбнувшись, Родион пожал плечами.

– Не знаю. А за что бы вы хотели?

– За что бы я хотел? – медленно подбирая слова, задумчиво повторил Третьяков. – Знаешь, Родя, я бы выпил за то, чтобы нам, одиноким, не было столь одиноко в этом паршивом городе.

– Давайте.

Они выпили, потом закусили, потом недолго помолчали и налили снова.

Через полчаса водка была выпита из первого графина, еще через полтора из второго. За это время Родион успел рассказать о себе: где живет (жил он, по его словам, под кровлей высокого пятиэтажного дома в маленькой каморке, побывав в которой один знакомый писатель по имени Федя, сравнил ее со шкафом). О своей нищей семье, о сестре Дуне, вынужденной терпеть унижение, прислуживая нехорошим людям. О его персонифицированном символе несправедливости мира – противной старухе Алене Ивановне, что день за днем, копейка за копейкой, наживается на чужом горе. О непреодолимом желании разрушить этот мир одним хорошим ударом топора. О своем мрачном прошлом и светлом будущем, которое при неумолимом приближении почему-то представляется не таким уж и светлым.

Согласно кивая головой, Третьяков внимательно слушал Родиона. Иногда, когда становилось скучно, перебивал, иногда, когда было интересно, задавал вопросы, но при этом постоянно ловил себя на мысли о том, что всё-то его недоучившийся коллега лжёт.

"Интересно, зачем... А впрочем, какая мне разница! Может его настоящая жизнь гораздо тоскливей той, о которой он рассказывает. Может, рассказывать ему больше не о чем, или рассказывать о своих бедах ему не так тошно, как слушать о бедах других".

Третьяков не заметил, как напился. А когда заметил, решил пить до конца.

Размашистым движением руки он вытащил из кармана сто долларовую банкноту и бросил на стол.

– Еще выпивки! – крикнул проходившему мимо официанту. – На всё! Живо!

– Не надо больше, – попросил Родион. – Пойдемте лучше домой.

– Правильно, коллега! Мы пойдем домой, а по дороге купим водки! Много водки!

Родион помог Третьякову подняться. Взял за локоть и, поддакивая ему, медленно повел к выходу.

Они сели в подъехавший красный автомобиль Ауди с тонированными стеклами. Третьяков, увидев в салоне большую птицу, сначала удивился, потом грязно выругался и полез драться.

***

Прошло немного времени, и история с выходом в свет нашумевшей статьи в "Губернских новостях", стала постепенно забываться. Но все изменилось утром тридцатого января, когда "Вечерняя газета" вышла с передовицей, в которой предлагалось раз и навсегда решительно покончить с теми, кто уродует своим видом город и развращает недостойным поведением населяющих его людей. Под этим призывом была напечатана пространный статья, в которой говорилось о причинах падения рождаемости в стране, о неуклонном росте преступности среди молодежи, о коррупции с проституцией, о том, что это такое и есть ли между ними разница.

(По мнению безымянного автора, разницы между ними нет, поскольку коррупция – это ничто иное как извращенная разновидность виртуально-оральной проституции, когда один дает, другой берет, и оба при этом получают взаимное удовлетворение).

Потом читателю были напомнены имена людей, вошедших в рейтинг худших людей прошедшего года, подробно перечислены их грехи, и от имени тех, кто не хочет мириться с существующим положением дел в городе, всем вышеназванным лицам был вынесен смертный приговор, заканчивающийся словами: "Да постигнет их кара небесная!"

Главный редактор "Вечерней газеты" в тот же день выступил по телевидению с объяснениями случившегося недоразумения. (По его словам, он и его журналисты здесь не причем – вся ответственность лежит на работниках типографии, допустивших на каком-то этапе создания газеты техническую ошибку). Мэр города Берг в той же передаче пообещал всех виновных строго наказать, а пока виновных не нашли и не наказали, предложил сплотить ряды вокруг губернатора области Егора Ильича Ревы, чей опыт и ум, по его словам, не раз выручали горожан в критических ситуациях.

Горожане, узнав о том, что находятся в критической ситуации, тут же вспомнили передачу "Криминальный репортаж", в которой раскрывался механизм подобных "технических ошибок", а, вспомнив, задались традиционным русским вопросом: кто виноват.

Мнения, как водится, разошлись. Одни обвиняли во всем газетчиков, решивших таким образом подогреть интерес к своим захиревшим изданиям. Другие считали, что во всем виновата система, подразумевающая под системой власть, при которой одним, приближенным, прощались всё вплоть до публичных призывов к расправе над неугодными, другим – ничего. Третьи хвалили на все голоса журналистов городских газет, и ругали на чем свет стоит героев нашумевших статей.

(По мнению последних, именно они – Ребко, Грушина, Третьяков, Кудрявцев, Соловухин, Дзержинская, Лемтюгов, Романов – своим аморальным поведением спровоцировали газетчиков на эту во многом вынужденную акцию).

***

Старик, привлечший внимание Степана Ребко, выглядел весьма необычно. Его вид – расстегнутый светлый пиджак, под цвет бескровного изрезанного глубокими морщинами лица, распахнутое пальто, полы которого развивались на ветру подобно черным траурным полотнищам – говорил о том, что он либо сильно пьян, либо крайне взволнован. Пройдя быстрым заплетающимся шагом мимо раскрытого настежь гаража Ребко, остановился и, оглянувшись через плечо, спросил, где найти врача.

– А что случилось? – спросил Ребко.

Старик в черном пальто бессильно потряс в воздухе руками. Всклипнул и, произнеся: "Мой сын!", заплакал.

– Что ваш сын?

– Ему плохо, ему очень плохо!

– Он заболел? Получил травму? Что с ним?

– Я не знаю!

– Что, значит, не знаю? Где у него болит? В каком месте? Можете сказать?

– Ему плохо, – с надрывом повторил старик. – Он умирает. Здесь, в двух шагах.

Не зная, как поступить, Ребко посмотрел на наручные часы. До прихода гостей время еще было, но не так много, чтобы всё бросить и кинуться оказывать помощь первому встречному.

– Найдите мне врача, – прошептал старик. – Умоляю вас! Пожалуйста!

– Даже не знаю, что вам сказать... Вообще-то, я сам врач, но...

Не дав ему договорить, старик выхватил из кармана пальто комок тысячерублевых купюр. Подбежал к Ребко и, вложив деньги в его руки, сказал, что даст в десять раз больше, если тот спасет сына.

Решив, что до прихода гостей время еще есть, Ребко попросил подождать. Спрятал деньги в карман, закрыл ворота на три замка и приказал вести к больному.

Старик благодарно улыбнулся. Показал направление, куда им следовало идти, и чуть забежав вперед, сказал:

– Какое счастье, что я вас встретил. Вы ведь, доктор, ему поможете? Правда?

– Сделаю всё, что в моих силах.

– Он у меня, доктор, единственный. Кроме него, у меня никого нет.

– Вы быстрее можете идти?

– Да-да, конечно.

Старик еще активнее заработал ногами. Через минуту остановился.

– Всё, – сказал он. – Пришли.

Ребко осмотрелся. Впереди стоял редкий лес, сквозь который просвечивали здания новостроек, справа – ровный ряд кирпичных гаражей, слева, у обрыва – автомобиль Ауди красного цвета.

Повернувшись лицом к старику, он спросил: где больной?

– Там, – вытянув руку, старик показал на Ауди. – В машине.

Подойдя к автомобилю, Ребко открыл заднюю дверцу. Сел в салон и, протирая запотевшие очки, спросил сидевшего рядом человека в кашемировом пальто: что случилось?

– Вы в порядке? Можете говорить?

Вместо ответа больной прокукарекал.

Подавшись вперед, Ребко заглянул ему в лицо и тут же отпрял, увидев перед собой маску страшной птицы с огромным черным клювом.

***

Каждый четверг с пяти до семи вечера Романов проводил с сыном Игорем, живущим с мамой и отчимом на другом конце города.

Игорю было пятнадцать лет, шесть из которых он прожил без отца. Первые годы мальчик не предавал этому особого значения. Но чем старше становился, и чем чаще у него возникала потребность в мужском общении, тем чаще задавался вопросом: почему. Почему он живет не с папой, с которым можно обо всем поговорить, а с вечно занятым отчимом? Почему мама прощает отчиму то, что не прощает папе? И почему папа гуляет вечерами не с ним и мамой, а с какими-то совершенно чужими женщинами, у которых к тому же есть свои дети? Решив, что во всем виноват отчим, Игорь возненавидел его – грубил по всякому поводу, демонстративно не замечал, неделями не разговаривал. Когда же, наконец, понял, что отчим к его проблемам не имеет ровным счетом никакого отношения (уйди мама к папе, он бы этому, наверняка, обрадовался, настолько она ему надоела), обиделся на отца. Но поскольку обижаться на отца в его отсутствие неудобно, Игорь, после нескольких дней мучительных раздумий, решил, что во всем виновата мама.

Сама мама виноватой себя не считала. Более того, при каждом удобном случае она пыталась втолковать сыну, что совместное проживание с отчимом – человеком сколь серьезным, столь и ответственным – идет им только на пользу.

Так это или нет, Игорь не знал, да и не хотел знать. Ему хотелось другого – жить с мамой, с папой, со всем, чем было наполнено его раннее детство, и всё остальное для него не имело ровным счетом никакого значения. Поэтому каждое воскресенье, сразу после обеда, он садился у окна и, ожидая отца, втайне от самого себя надеялся на чудо.

«Вот сейчас, – думал он, высматривая в окне мужскую фигурку в серой дубленке и шапке из черной норки, – появится папа, скажет нарочито грубым голосом: "Чего расселись? А ну, пошли отсюда!", и увезет нас с мамой домой – туда, где мы были когда-то так счастливы».

Едва Романов снял с себя серую дубленку с шапкой из черной норки, как позвонил по мобильному телефону Никита Малявин. Торопливо поздоровавшись, спросил: где он, Вася, находится, и чем в данный момент занимается.

– Ничем. К сыну в гости пришел, – ответил Романов. – Раздеваюсь вот... А что?

– Они ведь, кажется, живут на Пушкина, возле универсама?

– Да.

– Какая квартира?

– Сорок вторая. Тебе-то зачем?

– Я тут рядом нахожусь. Могу зайти. В общем, жди меня, никуда не уходи. Скоро буду.

Романов сказал, что надо бы поговорить с Элеонорой, спросить, можно ли им встретиться на ее территории, на что Малявин ответил: "Конечно, можно! О чем базар?" и прервал связь.

– Кто это? – спросил Игорь.

– Дядя Никита. Сказал, что скоро придет.

– К кому придет? К нам?!

– К вам.

Игорь тут же бросился к двери ванной комнаты.

– Мама, мама, ты слышала! – задергал дверной ручкой. – К нам сейчас дядя Никита придет!

Элеонора вышла из ванной. В свои тридцать восемь лет она выглядела так, словно последние годы провела в глубоком анабиозе. Ее слегка заспанное лицо выглядело свежим, как после полуденного сна, чуть припухшие глаза взирали на мир с каким-то наивным детским удивлением. И только частые прорезы морщин на шее под подбородком указывали на то, что молодость давно прошла, и к формированию ее нового облика приступила старость.

Вытирая мокрые волосы розовым махровым полотенцем, Элеонора спросила: кто такой дядя Никита, и с чего это он вдруг должен прийти к ним.

– Ну как же! – воскликнул Игорь. – Неужели ты забыла дядю Никиту! Это лучший папин товарищ! Он передачу ведет – "Криминальный репортаж" называется! Вспомнила?

Услышав о том, что к ней в гости пожалует сам Малявин, чья фамилия в городе известна каждому, кто когда-либо имел в доме телевизор, Элеонора принялась приводить себя в порядок. Подсушила феном волосы, подкрасила губы, подвела ресницы. Покрасовавшись перед зеркалом и оставшись недовольной увиденным, на глазах Романова сменила длинный халат на короткое выше колен платье.

– Муж-то не заревнует, увидев, как ты перед чужим орлом перья распускаешь? – усмехнулся Романов.

– Не говори глупостей. Мой муж адекватный человек. Он не ревнует.

– Ну-ну.

– А ты, вместо того, чтоб хамить, лучше б за хлебом сбегал. В доме крошки нет.

– О чем ты говоришь, мама? – вступился за отца Игорь. – Дядя Никита с минуты на минуту должен прийти, а нам с папой еще поговорить надо!

Элеонора презрительно, так, словно была уверена в том, что разговор опять пойдет о каких-нибудь несусветных глупостях, махнула рукой. Спросила Игоря: о чем он интересно собирается говорить с отцом.

– О вечеринках с шалавами, с которыми он таскается каждую неделю?

– Элеонора! – повысив голос, укоризненно покачал головой Романов.

– Ты бы хоть людей постеснялся, что о тебе в газетах пишут! О сыне подумал! Как ему про отца-то родного такое читать? Ну, ладно б, тебя одного затычкой обзывали, не жалко, но ведь и Игоря так могут начать звать! Как ему такое терпеть придется?

– Я уверен, его никто не начнет так звать. Успокойся, пожалуйста.

– А тебе откуда знать? Ты у него в школе в этом году хоть раз был?

– Нет, но собираюсь.

– Нет, так и не надо! Нечего тебе туда ходить – сына позорить. А то у всех, понимаешь, отцы как отцы – бизнесмены, начальники, солидные люди – и только у одного нашего – тусовщик!

Стараясь не раздражаться и не раздражать свою бывшую жену, Романов принялся терпеливо объяснять, что всё написанное в газете является откровенной ложью и что Никита Малявин еще неделю назад это убедительно доказал в своей передаче "Криминальный репортаж".

– Ну, хорошо, – согласилась Элеонора. – Пусть в первый раз кто-то подменил в типографии статью... пусть, я не спорю. Но во второй-то раз! Или, может, скажешь, там опять кто-то чего-то напортачил?

– Опять, – сказал Романов.

– Ой, да брось! Нашел тоже дурочку обманывать. Как это такое может быть?

– У нас все может быть. Ты думаешь, в типографии что-то изменилось после первого случая? Уверю тебя: ничего! Это сейчас, когда директора сняли, там кое-какой порядок, говорят, навели, а тогда никто и палец о палец не подумал ударить!

– Ну не знаю, – развела руками Элеонора.

В этот момент из прихожей раздался звонок.

– Дядя Никита пришел! – взвизгнул Игорь и помчался открывать дверь.

Несмотря на широкую улыбку, какой, едва войдя в комнату, Малявин одарил Элеонору, выглядел он слегка озабоченным. Поцеловав хозяйке ручку, строгим взглядом осмотрел Романова – все ли с ним в порядке – и спросил: как дела.

– Да вот, – кивнул Романов на Игоря. – Сына пришел воспитывать, а воспитывают почему-то опять меня.

– Ой, да ладно! – махнула ладошкой Элеонора. – Ты ему, Никита, не верь, он к сыну раз в неделю ходит, и то не всегда. Когда уж тут воспитывать?

– Ну что ж, – вздохнул Малявин, потирая замерзшие руки. – Не всё от нас зависит... Вот у меня, например, детей нет, так мне и раз в неделю ходить не к кому.

Элеонора хотела сказать: нет детей, так и расстраиваться нечего – хлопот меньше, но вовремя остановилась, испугавшись, что бездетный Малявин сочтет эти слова за насмешку.

– Так что, ребята, – продолжил Малявин, – всё у вас не так уж и плохо. Поверьте мне.

Скажи эти же самые слова Романов, Элеонора непременно бы обсмеяла его, а тут охотно согласилась.

– Это правда. Нечего жаловаться – бывало и хуже.

Глядя себе под ноги, Малявин задумчиво прошелся по комнате. У дивана, на котором сидел Романов, остановился и сказал, что им надо срочно поговорить.

Романов хотел предложить пройти на кухню, но увидев глаза сына – обиженные, требующие оставить дядю Никиту ему, изменил решение.

– Ну, так говори, – сказал он, перекинув ногу на ногу. – Мы тебя слушаем.

– Здесь? – Малявин обвел удивленным взглядом сидящих в комнате людей. – А впрочем... Может, это и к лучшему. Всё равно все узнают.

Собираясь с мыслями, он нервно потер ладони. Не зная, куда их деть, спрятал за спину.

– Кстати, Вась, как у тебя со здоровьем?

– Жив пока. Сердце, правда, пошаливает в последнее время, а так ничего.

– Таблетки какие-нибудь принимаешь?

Вынув из внутреннего кармана пиджака коробочку с лекарством, Романов потряс ею.

– Вот, кардиолог прописал... Ну, говори: что случилось? Не тяни.

Малявин снова прошелся по ковру. Остановившись, сообщил сухим голосом о том, что позавчера утром у подъезда собственного дома был найден труп Вячеслава Третьякова.

В комнате мгновенно стихло. Стало слышно, как где-то у соседей наверху хрипло залаяла собака, а по бульвару, надсадно надрываясь, проехал тяжело нагруженный автомобиль.

– Это что же получается! – первой опомнилась Элеонора. – Выходит, статья в газете – не шутка, а специальный умысел? Так?

Вместо ответа Малявин сказал, что это далеко не всё, что случилось в городе за последние два дня.

– Еще вчера вечером пропал проректор мединститута – Степан Ребко.

– Как пропал?! – вскочил на ноги Романов.

– Отогнал автомобиль в гараж и домой не вернулся. Жена подождала его два часа, потом кинулась искать. Автомобиль нашла, мужа нет... Как сквозь землю провалился.

– А Ребко это... не мог загулять? Мужчина-то он видный.

Малявин ответил: исключено.

– Он в этот день гостей ожидал – ректора с супругой.

– Слушайте, ну я ничегошеньки не понимаю! – всплеснула руками Элеонора. – Объясните толком, что происходит!

Пожевав нижнюю губу, Малявин сказал, что есть несколько версий случившегося.

– Версия первая, которой придерживаются в полиции: ничего криминального не произошло. Ребко еще найдется, а Третьяков может пенять в своей смерти только на себя.

– Что значит, "на себя"?

– Это значит, Элеонорочка, что капитан в отставке Вячеслав Викторович Третьяков, как показало вскрытие, умер от инсульта. У него, говорят, давление под двести зашкаливало, а он – царство ему небесное! – поддавал регулярно.

Услышав о том, что Третьяков умер своей смертью, Романов облегченно выдохнул. Растегнул верхнюю пуговицу рубашки и, раскинув руки, сел на диван.

– Но это ведь только версия полиции? – спросил Игорь. – А есть, наверное, и другие.

Удивленно, так, словно впервые увидел мальчика, Малявин повернулся к нему всем телом.

– Правильно, – сказал он. – Есть и другие.

– Какие?

– Есть версия, точнее, предположение, что Третьякова постигла небесная кара. Мне об этом моя ассистентка Танечка поведала. Она, конечно, дура, но, как я сегодня выяснил, так думает не она одна.

Игорь рассмеялся. Спросил: как можно предположение какой-то дурочки считать за версию.

– Конечно, можно, – вступилась за ассистентку Элеонора. – И даже, считаю, нужно.

– Мама! Не говори глупостей.

– А ты, Игорь, не груби мне! Ты еще маленький и многого не понимаешь!

– Мам, перестань.

– Да, да, не понимаешь! Мир, если хочешь знать, куда сложнее, чем ты думаешь!

– Мам, ну, пожалуйста, не надо!

– Ты мне не тыкай! А то я тебе сейчас, знаешь, так тыкну, что мало не покажется...

Желая прекратить перебранку матери с сыном, которая могла длиться не один час, а по некоторым принципиальным моментам и не один день, Романов спросил Малявина: какой версии придерживается он сам.

– Я думаю, это убийство, – ответил тот.

– Убийство?

– А чему ты, собственно, удивляешься? Всё, считаю, к этому шло. Шло, шло вот и пришло... Ну, сам посуди. Сначала какой-то маньяк обвинил восьмерых горожан, худших или не худших, это уж не мне судить, во всех смертных грехах. Потом другой маньяк, а может, кстати, тот же самый, предложил убить их... Потом произошло то, что и должно было произойти исходя из логики событий: один человек из этой восьмерки умер, причем, в нужное время, другой в это же время пропал.

– Однако человек-то умер своей смертью, – напомнил Романов.

Малявин пренебрежительно махнул рукой. Сказал, что только после того, как проведут токсикологическую экспертизу, можно будет говорить о том, кто от чего умер.

– А пока судить о причинах, вызвавших смерть, на мой взгляд, рановато.

Игорь спросил: что такое токсикологическая экспертиза.

– Это экспертиза, – ответил Малявин назидательным тоном, – способная, а точнее сказать, призванная обнаружить в организме человека следы присутствия ядов.

– Его кто-то отравил?

– Не знаю. Но о существовании токсинов, способных вызывать смертельные болезни или замаскироваться под них, криминалистам известно давно – если мне не изменяет память, с века эдак пятнадцатого.

Романов хлопнул себя по коленям.

– И все же непонятно! – сказал он, вставая с дивана.

– Что?

– Мотив! Ты же сам, Никита, как-то говорил, что просто так у нас не убивают. Для того чтобы спланировать и сознательно пойти на убийство, нужны веские причины – деньги, власть, женщины на худой конец.

– Это ты хорошо сказал про худой конец, – засмеялся Малявин. – Еще месть.

– Ну, месть.

– Маньяки.

– Маньяки... Подожди! Причем здесь маньяки?

– Маньяки, Вася, у нас всегда причем... Вот ты представь себе какого-нибудь убогого мужичка – работника типографии. Его все обижают, ноги об него вытирают, издеваются. А ему, бедному, что делать, куда податься? Он терпит, обиды копит, записывает в блокнотик имена тех, кто его толкнул и не извинился, а потом – бах-ба-бах! – в голове что-то щелкает, а следом появляется страшное желание расквитаться со всеми обидчиками одним махом...

Романов перебил Малявина. Сказал, что мысль ему понятна и ясна, однако версию о маньяке-одиночке он на месте полиции сразу б отменил.

– Масштаб не тот.

Его поддержала Элеонора. По ее словам, версия о каре небесной как нельзя лучше объясняет не только смерть полицейского с исчезновением Ребко, но и неурядицы с ее бывшим супругом.

– Я ему, Никита, давно говорила, когда мы еще только разводились, я тебя, Василий, так и быть, прощу за все, что ты мне сделал, но вот бог... Он всё видит, и он тебе, когда надо, припомнит мои обиды!

Романов в возмущении замахал руками.

– О чем ты говоришь! – закричал на нее. – Это кто тут кого простил? Это ты меня простила?! Это я тебя еще не простил за то, что ты мне изменяла! Это тебе надо бога бояться!

Всем своим видом показывая, что грубый выпад Романов как нельзя лучше подтверждает правоту ее слов, Элеонора сложила ладони на коленях и с видом победительницы скромно потупила взор.

Игорь заволновался. Увидев, что папа вот-вот накинется на маму с новым обвинением, что в свою очередь приведет ответным санкциям с ее стороны – запрету на еженедельные встречи – решил сменить тему разговора. Спросил громким голосом: если это боженька покарал Третьякова, то кто тогда написал в газете статью о худших людях года.

Едва услышав вопрос, Романов громко расхохотался. Ткнул Элеонору локтем в бок и, кивнув на сына, предложил ответить на него.

– Я этого, конечно, не знаю и не могу знать, – ничуть не смутившись, ответила Элеонора. – Но кто бы он ни был, им, я думаю, руководили высшие силы.

Тут уж Малявин не выдержал – хихикнул. Поймав на себе недобрый взгляд Элеоноры, тут же умолк и, как ни в чем ни бывало попросил Романова с этой минуты вести себя предельно осторожно.

– От кары небесной тебе, смертному, конечно, не спастись, но... – Тут он, не выдержав, снова хихикнул, – от рук убийцы, думаю, можно.

Отвесив Элеоноре комплимент за то, что выглядит она ничуть не хуже, а по некоторым параметрам даже лучше, чем пятнадцать лет назад, когда они познакомились, попросил проводить его до двери. На прощанье пожал Романову руку, похлопал Игоря по плечу и, опустив голову, последовал за хозяйкой дома к выходу.

Романов тоже долго не задержался в гостях у сына. Немного поговорив о том, кто и за что мог убить бывшего полицейского Третьякова, обсудил все возможные варианты развития событий, после чего попросил разрешение уйти.

Игорь понимал состояние отца и потому не возражал – взял его за руку и отвел в прихожую.

– Береги себя, – сказал на прощанье. – И приходи в следующее воскресение. Буду ждать. Закрыв за отцом дверь, он тихо, стараясь не привлекать внимание мамы, вернулся в свою комнату. Сел на подоконник и, давясь слезами оттого, что в очередной раз чуда не произошло, принялся высматривать в окне мужскую фигурку в серой дубленке с шапкой из черной норки.

***

Результаты токсикологической экспертизы стали известны в тот же день, когда был найден труп Степана Ребко. Ее результаты, как и причины смерти проректора медицинского института, озадачили одних, тех, кто считал, что никакой небесной кары нет, а есть одна людская злоба, и подтвердили правоту других, тех, кто верил в существование неких высших сил. Как следовало из слов выступившего по телевидению пресс-атташе Главного управления внутренних дел области, следов яда в организме Вячеслава Третьякова обнаружено не было. Что же касается Степана Ребко, то его смерть наступила в результате кардиогенного шока, вызванного атеросклерозом сосудов сердца.

Как могло случиться, что два человека из списка Всевидящего один за другим умерли почти в одно и то же время, Романов не понимал. Не понимали этого и родственники умерших, требовавших от властей провести тщательное расследование обстоятельств смерти близких. Однако все, к кому они ни обращались, отвечали не только одно и то же, но и практически одними и теми же словами:

"Поскольку смерть, как Третьякова, так и Ребко, наступила в результате естественных причин, то и заводить уголовное дело никаких естественных причин, извините, нет".

***

Анатолий Кудрявцев любил поваляться в постели, особенно после ухода жены, когда в комнате становилось настолько тихо, что можно было услышать под лапами проходившего мимо кота скрип половиц, нежиться под одеялом, смотреть по телевизору утренние новости и, не торопясь, пить из широкой чашки черной свежемолотый кофе.

Однако в этот день ни полежать, ни понежиться толком не удалось. Едва за женой закрылась дверь, как позвонил некий господин, представившийся близким товарищем Косоурова, и попросил о встрече.

Обычно в эти минуты Кудрявцев делами не занимался, однако воспоминание о весьма выгодном сотрудничестве с владельцем строительной фирмы "Монтаж и строительство", теперь уже, к сожалению, бывшем, вынудило его начать рабочий день раньше обычного.

– Хорошо, давайте, встретимся, – ответил он, косясь одним глазом на экран телевизора, где показывали отрывки хоккейного матча с участием местной команды с уфимским "Салаватом Юлаевым". – А что вы, простите, хотели? Разместить рекламу?

Обдумывая ответ, незнакомец помолчал несколько секунд. Потом сказал, что деньги на рекламу он обычно тратит в других местах.

– От вас мне требуется помощь иного рода... Мне нужна... как бы это точнее выразиться... антиреклама, давайте, назовем это так... Надеюсь, вы понимаете, о чем я?

Кудрявцев понимал. Подобно голодной лисе, почувствовавшей присутствие жирной мыши, он напрягся, ожидая, что последует за этими словами. Не дождавшись, сделал большой глоток кофе из чашки, и осторожно, словно боясь спугнуть дичь, спросил:

– Вы имеете в виду антирекламу ваших конкурентов?

– Да. Я хочу, чтобы после вашей статьи они лопнули, как мыльный пузырь. Сможете?

В этот момент ведущий телепрограммы новостей сказал о том, что после поражения от "Салавата Юлаева" шансы на выход в плей-офф у их любимой команды еще не потеряны.

Кудрявцев с сомнением почесал за ухом.

– Даже не знаю. Для того чтобы написать такую статью, нужен серьезный компромат.

Незнакомец сказал, что все необходимые документы он может предоставить в любое удобное для него время.

– Что за документы? – спросил Кудрявцев. – Я имею в виду, что в них?

– Ничего необычного – счета, расписки разные, накладные...

– Понятно... Компромат, надеюсь, из надежных источников?

– Нет. Это фальшивка от первой до последней страницы.

В первую секунду Кудрявцев, казалось, не понял, что ему сказали. Потом, когда до него дошла суть поступившего предложения, хотел послать незнакомца к черту и бросить телефонную трубку на рычаг.

– Вы с ума сошли! – заорал он. – За кого вы меня принимаете?! Вы хоть понимаете, что предлагаете?!

Спокойно, так, словно бурная реакция Кудрявцева не оказалась для него неожиданной, незнакомец сказал, что принимает его, Анатолия Николаевича, за одного из лучших в городе журналистов, и предлагает гонорар в размере пятидесяти тысячи долларов.

Кудрявцев поперхнулся. Поглядел на экран телевизора, где показывали какой-то вновь открывшийся автомобильный салон и, проглотив комок в горле, спросил: где и когда можно забрать документы.

– Хочу взглянуть на них. Может, что придумаю.

– У вас есть машина?

– Да. Мерседес. Правда, совсем старый...

– Тогда встретимся через час у кафе "Минутка", что на дороге в аэропорт. Знаете?

Кудрявцев сказал: знаю.

– Ну, вот там, давайте, и состыкуемся.

Незнакомец попрощался и, попросив не опаздывать, отключил связь.

Несколько секунд, о чем-то размышляя, Кудрявцев подержал трубку телефона, потом аккуратно положил на рычаг. Не спеша, застелил еще теплую постель и, бросив печальный взгляд на чашку с остывшим кофе, принялся одеваться.

Ровно через час Кудрявцев вышел из салона своего автомобиля. Пересев в Ауди красного цвета, протянул для приветствия руку сидящему на заднем сиденье человеку в длинном черном пальто и тут же одернул, увидев на его лице маску страшной птицы с огромным черным клювом.

– Ку-ку, – сказала маска. – Царствуй лежа на боку.

– Чего? – не понял Кудрявцев.

– Ку-ку, говорю. Ты задержан по решению небесного суда. Сиди смиренно, шелкопёр продажный, не то больно будет!

***

Узнав о смерти журналиста Анатолия Кудрявцева, Романов не на шутку испугался. Не зная, что делать, он все утро ходил по кабинету из угла в угол и напряженно размышлял на тему: как и почему умирают люди из списка лже-журналиста Всевидающего. По всему выходило, что умирают они не своей смертью по разным, но вполне естественным причинам – Третьяков от инсульта, Ребко от кардиогенного шока, Кудрявцев от разрыва сердца.

"Но так не бывает! Нельзя умереть не своей, то есть, насильственной смертью по естественной причине. Это нонсенс!"

Романов подошел к окну. Посмотрев на свою Нексию, неловко уткнувшись носом в наваленный дворниками сугроб, подумал о том, что совсем не важно, отчего и по какой причине умирают люди – главное, они по умирают и умирают почти так, как исчезают буквы в детской загадке.

– А и Б сидели на трубе. А упало, сраженное инсультом, Б пропало от разрыва сердца. Кто остался на трубе?

Романов схватился за голову. Мысль о том, что эти люди, даже не подозревавшие пять-шесть дней назад о том, что смертельно больны, сидели с ним недавно на одной трубе, выводила из себя, заставляя ходить по кабинету из угла в угол.

– Надо что-то делать, – шептал себе под нос. – Надо что-то делать, что-то делать...

"Бежать!"

Ни секунды не раздумывая, Романов принялся собирать вещи. Вытащил из-под кровати чемодан, побросал в него всё самое необходимое, что могло понадобиться на первое время: нижнее белье, носовые платки, футболки, домашние джинсы, свитер, бритвенные и зубные принадлежности, одеколон. Надел пиджак, положил во внутренний карман паспорт с деньгами. Осмотрелся по сторонам – не забыл ли чего впопыхах – и выбежал за дверь.

Закрывая замки, он впервые заметил на зеленой стене подъезда, чуть ниже кнопки звонка, меловой рисунок, на котором были изображены два неуклюжих человечка: один, под которым стояла надпись – «Романов», бежал на полусогнутых ногах, другой, с нимбом над головой, метал с облака вослед ему длинные стрелы.

Первым желанием Романова было стереть эту мазню. Однако, поняв, что стереть, не запачкав рук, не получится, решил сделать это как-нибудь в другой раз. Погрозил рисунку кулаком и, произнеся сквозь зубы тихое ругательство, побежал вниз.

Нексия завелась с пол-оборота. Сделав полукруг по двору, Романов почувствовал, что с машиной что-то не так. Он вышел из салона, обошел ее и, увидев спущенное колесо, в ярости пнул его носком ботинка.

В этот момент рядом остановилась красная Ауди с тонированными стеклами. С места водителя выскочил веселый розовощекий мужчина лет тридцати пяти в светлом кашемировом пальто и, широко раскрыв объятия, воскликнул громким голосом:

– Ба! Кого я вижу! Поэт Василий Романов! Я ведь правильно сказал – вы поэт Романов? Нет, нет, нет, только, пожалуйста, не отпирайтесь! Это вы! Я вас узнал!

Романов не знал, как вести себя и оттого разозлился еще больше.

– Вообще-то, я и не думал отпираться, – сказал он. – А вы, простите, кто будете?

– Ой, да какая разница? Просто читатель! Просто почитатель вашего таланта!.. Нет, ну надо же! Сам Романов! Стоит на тротуаре, как какой-то прохожий! Офигеть!

Романов хотел сказать, что тротуар – не панель и стоять на нем не зазорно, но едва раскрыл рот, как розовощекий принялся взахлеб рассказывать о том, как сильно любит поэзию и как много хороших стихов знает наизусть.

– Вот, например, послушайте, это из вашего творчества... Ты всем моим словам не верь и никому не верь, как мне! А вот еще... Что теперь винить века, нравы правящего света? Видно, просто коротка жизнь российского поэта... Или вот, на мой взгляд, совсем шедевральное, посвященное Михаилу Анищенко... Не судите поэта, он и так осуждён петь про то и про это на изломах времён. Чтоб не властвовать миру, где в почёте грехи, он жену и квартиру поменял на стихи. И в труде, и в запое, он, смеясь над собой, плачет вашей слезою, дышит вашей судьбой. В неподатливом зале он скорбит мирово... Вы об этом не знали, не судите его.

– Хорошие стихи, – усмехнулся Романов. – Особенно последние. Жаль не мои.

– Как не ваши?

Услышав о том, что процитированные им строчки, посвященные Михаилу Анищенко, принадлежат перу другого поэта, розовощекий на мгновение застыл. Потом опомнился, хлопнул себя по лбу и, громко захохотав, сказал, что действительно малость ошибся – это стихотворение, если ему опять-таки не изменяет память, принадлежит перу Владимира Денисова.

– Кстати говоря, тоже приличный поэт. Потому-то я вас с ним и спутал.

Романова смутило сравнение с Денисовым. Не зная, что сказать, а сказать хотя бы из вежливости что-то было надо, он после небольшой паузы выдал из себя фразу о том, что все хорошие поэты, несмотря на некоторые индивидуальные различия, в чем-то неуловимо похожи друг на друга.

Не будучи уверенным в том, что стоит соглашаться с подобным весьма сомнительным утверждением, розовощекий с задумчивым видом опустил голову. Увидел возле ног Романова спущенное колесо и, ахнув, развел руками.

– Ай-яй-яй-яй-яй! – сказал он. – Какое несчастье... Ваша машина?

Тяжело вздохнув, Романов подтвердил:

– Моя.

– И колесо проткнули, стало быть, тоже вам?

– Не мне – моему автомобилю.

– Вот ведь варвары! Ничего святого у людей нет! Ну, абсолютно ничего!

– Пацаны, наверное... А они стихов не читают.

Желая утешить Романова, розовощекий похлопал его по спине.

– Ну, ладно, ладно, не расстраивайтесь, ничего страшного не случилось, мы вас подвезем.

Вы ведь, кажется, собрались куда-то ехать?

– Да. На железнодорожный вокзал.

– Уезжаете?

– Сестру в Тамбове решил навестить. Давно, знаете ли, не видел.

– Понимаю.

– А тут такое дело... Ну, так, что? Может быть, в самом деле, подкинете?

– Конечно, конечно, Василий Сергеевич, – засуетился розовощекий. – Что за вопрос?

Мы вас с удовольствием доставим, куда надо. Садитесь, пожалуйста, на заднее сиденье, там вам будет удобно.

В этот момент из дверей подъезда вышел заросший рыжей щетиной здоровый мужик в надетой на тельняшку чистой телогрейке, спортивном трико и серых валенках с черными калошами. Пожав Романову руку, спросил: что случилось.

– Авария, погляжу?

– Да, – ответил Романов. – Похоже, кто-то шину проткнул. Вон даже след остался.

Видишь?

– А я тебе, Сергеич, давно говорил: нечего машину во дворе держать, когда гараж есть.

– Ну, говорил! И что? Ты меня теперь всю жизнь будешь этим гаражом мучить? Вернусь из поездки, тогда и поставлю. А сейчас, не зуди, Гриш, без тебя тошно.

– Что, уезжать собрался?

– Да. К родственникам в Тамбов.

– А, ну-ну, давай, езжай. Только вот что я тебе, сосед, скажу: когда ты из Тамбова своего вернешься, от твоей тачки одни рожки да ножки останутся.

– Это почему?

Гриша многозначительно пожал плечами. С ухмылкой посмотрел на Романова и, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться в лицо, спросил: видел ли он, Сергеич, какими словами исписан подъезд.

– И что пишут-то! Почитай, срам один. Романов – затычка! Романов – козел! Романов – то да сё! А мне вот интересно: кто оттирать всё это будет?

– Ну, уж точно не я, – ответил Романов и направился к Ауди вслед за розовощеки-
– Кто ?

– Не знаю, и знать не желаю. Всё, Гриша, отстань, мне некогда.

Догнав Романова, Гриша открыл перед ним заднюю дверцу Ауди. Сказал, что был бы он, Сергеич, умным человеком, сперва б, как умный человек, тачку свою отогнал в положенное место, а уж потом ехал куда надо.

Романов остановился.

– Ты что, и, вправду, считаешь, это необходимо?

– А чего тут считать? Невзлюбил тебя в последнее время наш народ, Сергеич, ох, невзлюбил! Кабы в отместку чего плохого с машиной твоей не сделал. А он это, знаешь, может.

Романов задумался. В том, что народ способен разобрать на запчасти бесхозный автомобиль, он нисколько не сомневался, как и сжечь его просто так, без всякой на то корысти, из одной только нелюбви к его хозяину. Другое дело, для того чтобы отогнать автомобиль в гараж, надо сначала заменить спущенное колесо, а времени на это не было.

– Боюсь, Гриша, не успею, – сказал он, постукивая пальцем по циферблату наручных часов. – Поезд в Тамбов отходит через два часа. А у меня даже билета нет.

Лицо Гриши расплылось в пьяной улыбке.

– Ты чего, Сергеич! Забыл, с кем имеешь дело? Да ты за магарычом не успеешь сгонять, как я всю твою тачку переобую! Ну?

Романов посмотрел на часы. Подумал, что машину в случае, если Гриша сумеет быстро сменить колесо, можно в гараж не гнать, а оставить на привокзальной стоянке.

Эта мысль ему так понравилась, что он, больше не раздумывая, согласился на предложение поменять резину с проколотого колеса. Достал из кармана три денежных купюры и, помахав ими в воздухе, сказал Грише, что тот может всего за пятнадцать минут разбогатеть на триста рублей.

– Вот это другой разговор, – потер ладони Гриша. – Вот это я понимаю, забота о технике. Молодец! А теперь, давай, открывай скорей багажник, время пошло!

Пока Гриша доставал запасное колесо с инструментами, Романов подошел к сидящему за рулем Ауди розовощекому любителю поэзии. Поблагодарил за предложенную помощь и извинился за то, что не может ее принять.

– Нексию, говорят, надо срочно убрать со двора... Впрочем, вы и сами, всё должно быть слышали.

Стараясь скрыть разочарование, кислым пятном выступившем на постном лице, розовощекий вежливо улыбнулся. Высунул из машины руку и, крепко пожав ладонь Романова, сказал, что он всё слышал и всё понимает.

– В общем, всё нормально. Главное теперь, чтобы вы на поезд не опоздали. А всё остальное, ерунда... Я правильно говорю?

Романов ответил: правильно.

– Ну, если правильно, тогда я свободен. До скорой встречи! – сказал розовощекий и с исчез за поднявшимся тонированным стеклом автомобиля. В следующую секунду двигатель утробно заурчал. Ауди плавно сдвинулась с места и, аккуратно огибая неровности на дороге, выехала со двора.

Проводив ее долгим взглядом, Гриша выдохнул:

– Ну, всё, баста! Выпью сегодня последнюю поллитровку и завяжу до лета.

– Что так? – спросил Романов, прикидывая в уме, сколько времени у него уйдет на дорогу к вокзалу.

– Глюки у меня, Сергеич, похоже, начались.

– Глюки? Да что ты... Как интересно...

"Если Гриша справится с колесом пусть даже не за пятнадцать – за двадцать минут, полтора часа в запасе у меня, как минимум, еще останется".

– Сергеич, я ведь не шучу! Я вот сейчас глянул внутрь Ауди, когда тебе дверь-то отворял, и мне почудилось – прикинь! – будто на заднем сиденье сидит человек с головой курицы... Вот ведь до чего дошло.

"Я тогда и билет успею купить, и чего-нибудь в баре выпить", – подумал Романов.

– Да, Гриша, поддавать нам надо действительно меньше. Это факт.

Взяв билет до Тамбова, Романов отправился в буфет. Сел за стойку бара и, прихлебывая из стеклянной кружки жигулевское пиво, принялся думать о причинах, заставивших его – уважаемого человека, поэта, члена союза писателей – бежать из родного города, подобно нашкодившему преступнику.

"И всё из-за чего? Что я такого сделал? Непонятно".

За мыслями о превратностях судьбы его внимание привлекла сидящая рядом женщина.

Ей было лет сорок. Чуть ниже среднего роста, стройная, даже изящная, она выглядела, как выглядит обедневшая аристократка, оказавшаяся по нелепой случайности в среде простолюдинов. Пальто из плотного материала с оборками из натурального меха сидело так, словно было сшито "на заказ". Макияж, пожалуй, слишком яркий для привокзального буфета, приковывал к лицу взгляды посетителей, но при этом не отвращал их. Лицо, породистое, сохранившее остатки былой привлекательности, не смотрело – взирало на окружавшую ее убогость с выражением брезгливости и великосветской скуки.

Она пила черное, как смоль, вино из глубокого бокала и, слегка прищурившись, то и дело бросала цепкие взгляды в сторону Романова.

"Где-то я ее, кажется, уже видел, – подумал тот. – Вот только, где?"

Так и не вспомнив, где ее видел и видел ли вообще когда-нибудь, стал размышлять над тем, чем займется после того, как вернется из Тамбова. Однако вскоре сбился с мысли и принялся снова вспоминать, когда и при каких обстоятельствах мог встречаться с этой яркой женщиной.

– Васенька! Ты меня не узнаешь? – внезапно произнесла та глухим низким голосом.

Еще раз внимательно посмотрев на нее, Романов покачал головой из стороны в сторону.

– Нет. Извините.

– Я Нина.

Не вспомнив, кто такая Нина, Романов вежливо улыбнулся.

– Нина Романова. Мы с тобой встречались в Зверевке, когда были детьми. Ты приезжал к бабе Дуне, а я к тете Насте... Со мной еще сестра была троюрная Оля.

Романов вспомнил.

– Боже мой! – воскликнул он вполголоса. – Нина! Какая же ты стала... не узнать.

– Что, совсем старая?

– Нет, нет, нет, что ты! Не старая – взрослая.

Нина рассмеялась. При этом глаза ее оставались холодными, а взгляд цепким.

– Да уж, комплимент, так комплимент, – сказала она. – Но и ты – знаешь – тоже малость подрос.

– Да, да, да, – заулыбался Романов. – Сколько же нам лет тогда было, четырнадцать?

– Пятнадцать.

– Почему пятнадцать? По-моему, четырнадцать.

– А я говорю, пятнадцать! Ты мне тогда еще, на мой день рождения в августе пятнадцать полевых ромашек подарил... крупных таких, белых, с длинными стеблями.

Романов на секунду задумался, пытаясь вспомнить, когда и кому в последний раз дарил ромашки. Виногато разведя руками, сказал, что ничего этого, к его великому сожалению, уже не помнит.

– Неужели совсем ничего-ничего?

– Цветов не помню.

– Ну, значит, всё-то ты, Васенька, тогда забыл, – огорченно вздохнула Нина. – Жаль.

Романов в ответ бурно запротестовал. Сказал, что многое из его памяти, конечно, стерлось – шутка ли, почти тридцать лет прошло! – но воспоминания того, что между ними было, он сохранил, и дорожит ими до сих пор.

– Ты имеешь в виду то, как мы целовались? – улыбнулась Нина.

– Не то, как мы с тобой целовались, а уж если уж быть исторически точными, то, как ты меня учила целоваться!

Спрятав лицо в ладони, Нина смущенно засмеялась.

– Да ладно тебе... Ой, вспомнила! Точно! Было такое дело.

– Ну вот!

– Ты был тогда таким смешным...

– А ты такой терпеливой.

– Еще помню: ты мне постоянно хотел сделать приятное...

– И не знал как.

– Это неважно... Главное, ты всё делал искренне...

– И смешно.

– Да ладно тебе! Надо мной, наверно, тогда тоже можно было посмеяться.

– Это точно. Помнишь, как ты мне сказала, что девушкам нравится, когда их целуют в грудь?

– Нет. Что, прямо так и сказала?

– Да. А потом быстро добавила: но только, дескать, не мне – другим.

– Правда? Вот дура! И что дальше?

– А что могло быть дальше? Ничего. Я подумал: раз ты не любишь, когда тебя целуют в грудь, значит, мне нечего туда и соваться со своими поцелуйчиками... Да у меня, честно говоря, и мыслей-то таких не было, пока ты не сказала.

Тихо засмеявшись, Нина снова спрятала лицо в ладони. Потом уронила их на колени и, подняв голову, тихо произнесла:

– Ты, Васенька, тогда был такой хороший, такой милый...

– И такой глупый!

Повернувшись к барменше, Нина протянула свой бокал.

– Танюш, плесни, если можно, еще глоточек.

– А мне, пожалуйста, "Жигулевского", – добавил Романов.

Барменша Таня налила каждому то, что просили. После чего отошла в сторонку и, усевшись на стул, уткнулась лицом в экран висевшего в углу буфета телевизора.

Отпив вина, Нина задумчиво повертела в руках бокал. Не отрывая от него глаз, сказала, что раньше, когда у нее было плохое настроение, она включала любимую пластинку Пинк Флойд, ложилась на ковер, слушала музыку и вспоминала проведенные в Зверевке дни.

– Представляешь, только через много лет я поняла, насколько была тогда счастлива.

– Ты замужем?

Нина отрицательно покачала головой. Сказала, что была замужем, да сплыла.

– Причем, так быстро, что даже не сразу заметила, как снова стала свободной.

– Понятно. Значит, брачный опыт у тебя тоже оказался неудачным.

– Брачный опыт, Васенька, по определению не может быть удачным. Иначе, это уже не брак, а невесть что.

Романов не согласился с таким утверждением. Сказал, что, по мнению умных людей, не раз побывавших в браке и вышедших оттуда с потерями разной степени тяжести, неудачных опытов не бывает в принципе – каждый несет в себе полезную информацию, которая может пригодиться в будущем.

– Это точно, – согласилась Нина. – После развода сразу становится понятным: кто есть кто. Либо твой муж, как выясняется, натуральный козел, либо ты сама – полная дура, либо то и другое, как в моем случае.

Допив остатки вина, она аккуратно, так, чтобы не размазать помаду, облизала уголки губ кончиком языка. Сказала, что именно тогда на собственной шкуре поняла то, о чем говорили опытные в этих делах подружки: лучше жить одной в дерьме, чем с нелюбимым мужем в холе и богатстве.

– Неужели всё так было плохо? – участливо спросил Романов.

– Ты, Васенька, даже представить себе не можешь насколько! Мой муж был не просто нелюбимым, не просто козлом, он был еще к тому же старым козлом!

Романов спросил: чем старый козел отличается от молодого.

Нина ответила, что старый козел отличается от молодого тем, что ночью требует от жены быть нимфеткой, а всё остальное время, с утра до вечера, старухой, убивающей в себе ту, кем она является на самом деле – женщиной полной сил.

В этот момент Романов случайно бросил взгляд на часы и громко ахнул: поезд, на котором он собирался бежать из города, только что убежал от него самого.

Ударив ладонью по стойке бара, он вскочил на ноги. Но тут же, поняв бессмысленность любых активных действий, сел на место.

– Опоздал?! – догадавшись, что произошло, воскликнула Нина.

Романов в ответ зло махнул рукой. Повернувшись всем телом к барменше, сказал, что на всех нормальных вокзалах информацию об отправлении поездов объявляют по громкоговорящей связи, и только у них сообщить о поезде в Тамбов, как всегда некому.

– Безобразие! Гнать вас всех отсюда надо! Дармоеды!

Не желая связываться с нервным пассажиром, барменша – добродушная полная женщина с короткими выкрашенными в белый цвет волосами – косо взглянула на него. Потом всё-таки не выдержала и язвительным голосом сказала, что объявление об отправлении поезда в Тамбов звучало по вокзалу целых два раза.

Романов перевел вопросительный взгляд на Нину: так ли это.

Виновато улыбнувшись, словно в том была и её вина, Нина утвердительно кивнула.

– Значит, тихо звучало! – на весь буфет заявил Романов.

После чего решительно поднялся на ноги. Швырнул на стойку бара пятисотрублевую купюру и, взяв Нину за руку, предложил как можно быстрее покинуть это дурацкое место.

Остаток вечера Романов с Ниной провели вместе. Оставив машину на привокзальной стоянке, они медленно гуляли по городу, разговаривали, вспоминали время, проведенное в деревне, общих знакомых и самих себя – молодых, беззаботных, счастливых...

Во время разговора Романов внезапно поймал себя на мысли о том, что Нина уже не кажется ему обнищавшей аристократкой, скрывающей за ярким макияжем свой истинный возраст. Больше того, в какой-то момент он снова увидел в ней ту симпатичную девчонку, которая в темной деревенской бане на пропахшем сыростью полке не побоялась, а главное, не постеснялась дать то, чего он – пятнадцатилетний мальчишка – так страстно желал – женскую ласку.

Нина остановилась у подъезда невысокого двухэтажного дома с облупленным желтым фасадом и остроконечной крышей. Продолжая начатый разговор о прожитом, сказала, что событий – как хороших, так и плохих – за эти годы произошло с ней столько, что не поместятся ни в одну самую толстую книгу.

– И у меня та же фигня, – стараясь унять охватившее его волнение, сказал Романов. – Только плохих событий произошло со мной почему-то гораздо больше, чем хороших.

– Я знаю.

– Откуда?

– Я следила за тобой. Читала, что про тебя писали в газетах, слушала, что говорили люди, где-то сама домысливала...

– Зачем?

Нина пожала плечами. Сказала, что он единственный из ее детских знакомых, кто мог стать известным человеком, и стал им.

– Вот я и следила... Сначала, чтобы не упустить того момента, когда это произойдет, потом просто так, по привычке. Мы ж, Романовы, все-таки не чужие друг другу.

Романов подошел к ней вплотную. Обнял за талию и, снисходительно улыбнувшись, так, словно был уверен в том, что всё, что ни сделает, будет с благодарностью принято, спросил:

– А кто я тебе? Конкретней, пожалуйста.

Нина уперлась ладонями ему в грудь.

– Никто, – прошептала она. – Пусти.

– Не пущу.

С этими словами Романов еще крепче прижал к себе. Наклонил голову и принялся искать губами ее лицо.

Со словами: "Да отпусти же ты!", Нина вырвалась из его объятий. Потом сама обняла руками за шею и, поцеловав в лоб, оттолкнула.

– И в следующий раз больше так не поступай, хорошо?

Не сказав, ни да, ни нет, Романов обиженно спросил:

– Почему?

– Не надо... Нам уже, Васенька, давно не пятнадцать лет.

– Я прекрасно помню, сколько нам лет. И что с того?

– Ничего.

– Нет, ты объясни...

– Не хочу я ничего объяснять. И вообще... Иди-ка ты лучше домой, поздно уже.

С этими словами Нина погладила Романова ладонью по щеке. Потом повернулась спиной и, не оборачиваясь, вбежала в подъезд.

***

Леша Соловушкин проснулся оттого, что незнакомый старик с лицом, изрезанным глубокими морщинами, теребил его за плечо. Еще не совсем понимая, где находится – то ли еще на гастролях в гостинице, то ли уже дома на своем диване – открыл глаза. Спросил заспанным голосом: кто он такой, и кто его сюда впустил.

Старик представился:

– Олег Дмитриевич Родионов. Не впускать меня некому – в квартире никого нет. А вот входная дверь почему-то открыта... Нехорошо, закрывать надо.

– Как вы сказали? – не поднимая головы с дивана, сонно спросил Соловушкин. – Олег Дмитриевич? Не знаю такого. Пошли вон. Я хочу спать.

Олег Дмитриевич отошел к столу. Брезгливо отбросив в сторону ярко иллюстрированный журнал "Playboy", взял в руки "Вечернюю газету" с уже знакомой ему статьей, в которой рассказывалось о романе сорокатрехлетнего певца Леша Соловушкина со студенткой третьего курса педагогического института Юлией Родионовой, и еще раз пробежал глазами.

Крикнул Соловушкину:

– Я Олег Дмитриевич Родионов! Вставай! Нам пора поговорить.

– Все вон отсюда.

– Ты меня, кажется, не понял? Хорошо, скажу по-другому: я – родной отец Юли Родионовой!

Шумно заворочавшийся на диване Соловушкин в ту же секунду притих. Приподнял голову и попросил повторить:

– Чей отец?

– Юли Родионовой – девушки, которую ты, подлец, совратил!

После этих слов Соловушкин стал понемногу приходить в себя. Сев на диван, сладко потянулся и сказал, что ни Юлю, ни ее подружку Катю, насколько ему помнится, насильно ни к чему не принуждал.

– Я и не говорил, что ты ее принуждал, – строгим голосом ответил Олег Дмитриевич. – Я сказал, что ты, подлец, совратил ее.

Соловушкин окончательно проснулся. Обвел мутным взглядом комнату и, видимо, не найдя того, чего искал, произнес заплетающимся языком:

– Ну, извините, папаша, так уж вышло. Чего теперь жалеть?

– Это всё, что ты можешь мне сказать? – сухо спросил старик.

– Нет. Еще передайте вашей дочке, что с этой минуты я буду ее часто вспоминать.

Казалось, ответ развеселил старика. Он широко улыбнулся, отчего его изрезанное морщинами лицо разгладилось, как под утюгом, и выразил надежду на то, что именно так всё и произойдет: он – совратитель малолеток – будет вспоминать ее не только часто, но и долго.

– Лет, думаю, эдак пять-шесть где-нибудь на южном побережье Колымы.

С этими словами он помахал Соловушкину перчатками, которые вынул из кармана длинного черного пальто, развернулся и направился к выходу.

– Э! Э! Э! Э! – закричал ему вслед прорезавшимся голосом Соловушкин. – Папаша! Стойте! Какая на фиг малолетка? Она на третьем курсе института учится! Вы чего?

– Правильно, на третьем, – остановился старик. – Да только в школу-то мы ее с матерью отдали в шесть лет – надеюсь, у тебя нашлось время заметить, какая она у нас смышленная? – и восемнадцать ей должно исполниться только в этом году... Не веришь? Если мозги не все пропил, посчитай сам!

Решив не откладывать дела в долгий ящик, Соловушкин последовал совету. Зажмурил один глаз и принялся за расчеты.

"Итак, в школу она пошла в шесть лет. Шесть лет приплюсовываем к десяти классам... Или к одиннадцати? Сколько они там сейчас учатся? Кажется, одиннадцать. Ладно. Прибавляем еще три курса и... и... и... и, кажется, отнимаем один год – он же еще не кончился. Или не отнимаем?... Блин, сбился! Теперь придется заново пересчитывать".

Соловушкин тяжело вздохнул.

"Значит, в школу она пошла в шесть лет, шлюха. Шесть приплюсовываем к десяти, получаем шестнадцать. Прибавляем... Нет, ну надо же было так по-дурацки влипнуть!"

– Послушайте! – сказал он. – Как вас там? Олег Данилович?

– Олег Дмитриевич.

– Да-да, помню, Олег Дмитриевич... Не знаю, что у вас, Олег Дмитриевич, на уме, но то, что ей нет восемнадцати, я впервые услышал только что от вас. Поверьте, я не вру!

Всем своим видом показывая, что ему, отцу обесчещенной девочки, совершенно безразлично, когда он узнал о ее возрасте, старик сказал, что главное не то, слышал он, подлец, или не слышал, врет или не врет, а то, что его маленькую дочь совратили, воспользовавшись беспомощностью, доверчивостью и отсутствием должного контроля со стороны матери.

– И всё на этом! Всё! Ничего больше меня не волнует!

– Да не совращал я вашу дочь! – взорвался Соловушкин. – Мне даже уламывать её не пришлось! Я, если хотите знать, давным-давно забыл, когда в последний раз кого-то там ула-

мывал, тем более совращал!.. Хотя нет, вру, помню – в двадцать лет. Точно! В двадцать один год я начал давать сольные концерты, и с тех пор уламливать и совращать стали уже меня.

Лицо старика после этих слов будто окаменело. Он сжал губы, отчего на том месте, где они находились, появилась одна плотно склеенная черточка, сквозь которую секундой позже прозвучало проклятье в адрес подлеца, и с решительным видом направился к выходу из комнаты.

Соловушкин бросился за ним. Догнал у двери и, обняв за плечо, повернул обратно.

– Ну не горячитесь вы, Олег Дмитриевич, не надо. Я совсем не хотел обидеть вашу дочь. А впрочем, вы, наверное, правы! Я действительно не сдержался! Потерял голову! Да! Но! У меня есть одно смягчающее обстоятельство – я любил ее! И она любила меня. И мы оба были счастливы! Понимаете теперь, в чем тут загвоздка?

Старик с сомнением посмотрел на Соловушкина. Перевел взгляд на заляпанную жирными пальцами голую красотку с обложки журнала "Playboy" и спросил: означают ли эти слова то, что он согласен жениться на его Юльке.

– Нет! – вырвалось из Соловушкина.

– Нет?

Соловушкин замялся. Стараясь говорить проникновенно, с чувством, так, как он обычно исполняет песни о России, сказал, что рад бы жениться на Юлечке, да, увы, не может – женат.

– А так бы, поверьте, со всем моим огромным удовольствием!

Оглядев комнату, старик спросил: если он женат, почему в доме нет жены.

– Где она?

– Где, где... Ушла к своей мамочке. Уже во второй раз в этом году, между прочим.

– Надеюсь, насовсем?

– Если бы! Только до тех пор, пока у меня не начнется изжога от ресторанной пищи.

Найдя то, что искал – початую бутылку шампанского – Соловушкин приложился к горлышку. Вытерев ладонью губы, сказал, что стоит жене приревновать к какой-нибудь вешалке и уйти из дома, как у него тотчас разыгрывается изжога. Несколько дней он мучается, страдает, потом не выдерживает и оправляется на поклон к теще. Клянется, что кроме нее и жены других баб у него больше нет, обещает выплатить денежную контрибуцию с аннексией принадлежащих ему земельных участков в пригороде, расписывается под безоговорочном актом капитуляции остатками еще не выпитой ими крови, и только после этого получает допуск к кухне, а вместе с ней и телу жены.

Последние слова о теле жены, в отличие от предыдущих слов о кухне, Соловушкин произнес с неприкрытой неприязнью.

– Ну, ничего, ничего, – по-отечески похлопал его старик. – Моя Юлька не хуже твоей стряпать умеет. Особенно у нее щи с борщом славно получаются. Попробуешь, пальчики оближешь.

– Не люблю борщ. А щи еще с детского сада на дух не переношу.

Старику не понравились эти слова, а более капризный тон, какими они были произнесены. Он недобро посмотрел на опухшее после сна и водки лицо Соловушкина и предложил на выбор: либо жрать баланду на Колыме, либо вкушать в кругу семьи борщ и благодарить его, папу, за то, что папа оказался к нему столь снисходителен и добр.

– В общем, давай, решай, парень, где тебе коротать остаток дней: на Юльке или на нарах. Мне ждать некогда.

– Олег Дмитриевич! – взмолился Соловушкин. – Ну, дайте хоть немного подумать, нельзя ж так сразу – головой в омут!

Почувствовав в его словах испуг и готовность идти на уступки, старик довольно усмехнулся. Сказал, что за него, непутевого, всё продумали.

– Кстати! Ты со своей старой женой венчался, или как?

– Нет, только расписывался в ЗАГСЕ. А что?

– Вот это молодец, вот это правильно... Нет, то есть, я хотел сказать, богобоязненному человеку жить в грехе невозможно, да ведь ты ж у нас бога не боишься... Я правильно говорю?

Соловушкин задумался. С одной стороны, если верить теще, он являлся закоренелым грешником, и как закоренелый грешник должен страшиться божьего гнева. Но, с другой стороны, бог, который каждому воздает по делам его, за сорок три года так ни разу ему не воздал. А раз не воздал, значит, их – бога на небе и Лешу Соловушкина на земле – связывает нечто большее, чем просто сакральная связь между святым отцом и блудным сыном.

Осилив эту мысль и придя к убеждению, что бога надо уважать, но не бояться, Соловушкин выдохнул:

– Так!

– Ну, ты герой! – восхищенно произнес старик. Ещё раз похлопал его по плечу и, перейдя на деловой тон, предложил поговорить о госпоже Соловушкиной.

Сказал, что его, по большому счету, совершенно не волнует: будет он с ней официально разводиться или не будет – государственным бумагам после случая с ГКО он не верит, а бумажкам из ЗАГСа, в которых бес сидит, и подавно. Поэтому предложил не ждать, когда мирские власти соизволят признать брак с госпожой Соловушкиной недействительным, а сей же день обвенчаться с Юлькой.

– В общем, давай, сынок, сделаем так. Сейчас мы все вместе поедem в храм. Там вы, как и полагается добрым христианам, совершите обряд бракосочетания, затем тихо, мирно разоидemся. Мы с женой уедem к себе домой, а вы останетесь, и будете жить-поживать да добра наживать – в ваши семейные дела мы ввязываться боле не намерены.

Услышав предложение обвенчаться, не разводясь, Соловушкин застыл с бутылкой шампанского в руке.

– Это что же получается? – спросил он. – Выходит: после того, как я схожу с Юлькой в церковь, у меня ста...

Он хотел сказать: у меня станет не одна, а две супруги, причем, все по-своему законные, но испугался, что будущий тесть из вредности выставит какое-нибудь новое условие, ограничивающее свободу выбора количества жен, и счел за благо промолчать.

Поднеся бутылку с шампанским к губам, он отпил. Закупорил пробкой и аккуратно поставил на пол.

Мысль о двух женах ему понравилась. Единственное, что вызывало беспокойство – внутрисемейные отношения. Удастся ли ему справиться с двумя женами, если даже с одной то и дело возникали проблемы? Стоит ли, например, рассказать им друг о друге? Знакомить их? Как поделить между ними время, чтобы никого не обидеть: поровну или в зависимости от их поведения? Как им жить – втроем в одной квартире или в двух? Или, может, в трех?

"А что? – подумал он по поводу трех квартир. – Неплохая мысль. Одна жена пусть живет на одной окраине города, другая – на другой, а я между ними в центре".

– Да, – сказал, задумчиво поглядывая на будущего тестя. – Тут есть, над чем подумать.

Старик удивленно сдвинул брови на переносице.

– Не понял? Ты что, сынок, не согласен?

– Нет, нет, что вы! Не в этом дело! – Соловушкин протестующе замахал руками. – Я тут просто подумал о приданом. Поправьте меня, если ошибаюсь... Насколько мне известно, у нас, я имею в виду, православных христиан, еще совсем недавно считалось верхом неприличия вести невесту под венец без приданого... Не так ли?

Старик растерялся. Это был единственный и последний раз с момента своего появления в квартире Соловушкина, когда он не сразу нашелся, что ответить.

Сначала, задумчиво пожимая плечами, промямлил:

– Не знаю...

Потом согласился:

– Ну, да... в общем, так...

Окончательно собравшись с мыслями, сказал, что в жизни всякое бывало – и без приданого, говорят, невесту брали, да еще сами могли втихомолку приплатить ее бедным родителям, чтобы те согласились выдать дочь за их балбеса.

– Вы сказали: бедным? – встрепнулся Соловушкин. – Я не ослышался? То есть, иными словами, вы такой же бедный, как те, о которых только что говорили? Может быть, мне вам тоже приплатить втихомолку?

Как старик не был обескуражен наглостью Соловушкина, но сравнение с теми, кто не способен заработать родной дочери на выданье, казалось, его искренне оскорбило.

С негодованием посмотрев Соловушкину в глаза, он выпрямил спину. Расправил плечи и спросил, чего ему, дорогу зятю, хочется получить в качестве приданого за невесту.

– Машину? Дачу? Путевки на острова?

– Нет, нет, нам острова не к чему. Нам бы с Юлей квартиру где-нибудь на окраине.

В кармане старика пропихивал телефон. Он достал его и, бросив взгляд на дисплей, сказал твердым голосом:

– Будет тебе хоромина на окраине! Будет! А теперь, давай, одевайся, невеста приехала.

Словно предчувствуя неладное, Соловушкин испуганно спросил:

– Зачем?

– Что значит, зачем? Венчаться! Или ты, может, передумал? Выбрал нары? Ну, так я тебе, совратителю малолеток, это мигом устрою, только пикни!

Больше вопросов Соловушкин не задавал. Он покорно дал одеть себя в черный костюм, вставить в петлицу пиджака сорванный из горшка заботливо выращиваемый женой цветок герани, надеть концертные туфли и вывести на улицу, где предчувствие надвигающейся беды нахлынуло на него с новой силой. Может, именно поэтому он не сильно удивился, увидев на лице сидящей в машине невесты маску страшной птицы с черным кривым клювом.

Соловушкин повернулся к старику. Ткнув в нее указательным пальцем, спросил: кто это.

– Только не говорите, что это ваша дочь Юля. Юля совсем другая – стройная, тонкая, а эта...

Старик в ответ рассмеялся.

– Угадал, подлец, – сказал он. – Это действительно не моя дочь. Это твоя смерть. Знакомься. Вам сегодня венчаться.

***

Сообщение о внезапной смерти солиста областной филармонии Леша Соловушкина вышло на первых полосах всех городских газет. Комментируя этот факт, журналисты первым делом называли причину смерти – жизнеугрожаемые нарушения сердечного ритма, вызванного атеросклерозом сосудов головного мозга, а дальше изгалялись как могли, всяк на свой лад. Одни, отражая мнение мистически настроенных граждан, которых с каждой новой смертью становилось всё больше, увидели в этом очередное предупреждение тем, кто на глазах всего города преступает законы божьи. Другие – материалисты с моралистами – утверждали, что, дескать, так и надо, что русского человека только так и можно отучить воровать, лгать, пить, предаваться безудержному разврату. Третьи – скептики писали, что смерть Соловушкина – человека из списка Всевидающего – лишний раз подтвердила то, что всему городу и так давно известно. "Худшие люди года" по версии "Губернских ведомостей" умирают не сами по себе, а с чьей-то конкретной помощью, и отрицать это, значит, уподобляться капитану полиции Третьякову, поплатившемуся своей и чужими жизнями за то, что долгое время отказывался замечать преступления и искать совершивших их преступников.

Но все же охотнее газеты писали о другом – о людях из "списка восьми" и их грехах. Не было дня, чтобы какое-нибудь печатное издание не вышло с материалом, посвященным одному из них. Так, в "Вечерней газете" вышла статья, рассказывающая о жизни Виктора Лемтюгова. Даже не стараясь выглядеть объективным, журналист, насмехаясь и ёрничая, подробно описал быт "самого большого нуля в городе". Ничего нового читатели не узнали, кроме того, что у того есть дочь, с которой он мало общается, хромая кошка, с которой общается больше, чем с дочерью, а также старушечья привычка кормить на карнизе голубей вымоченным в молоке хлебом. Несмотря на то, что никакой другой информации в статье не было, ее напечатали и, судя по поступившим в редакцию отзывам, прочитали.

О Романове писали то, что жажда к разгулу у него появилась в молодости, во времена занятия бизнесом. Сначала, по словам его бывшей жены, эта жажда была незаметна как для окружающих, так и для него самого. И только потом, когда по его вине распалась семья, стало ясно, насколько глубоко он погряз в своей пагубной страсти.

Но больше всего досталось покойному Степану Ребко. Общество, взбудораженное многолетними слухами о том, что в медицинский институт человеку с улицы без взятки не попасть, будь он хоть Авиценной с Гиппократом в одном лице, вознегодовало, когда газеты написали, что ситуация в этом учебном заведении на самом деле гораздо хуже, чем представлялось до сих пор. Так если раньше туда можно было поступить хотя бы по знакомству, или, как тогда говорили: блату, то теперь исключительно за деньги. В прокуратуру тут же посыпались заявления от родителей не прошедших конкурс абитуриентов. В законодательное собрание области поступили депутатские запросы. Кто-то из студентов по телевизору заявил, что лично видел, как проректор Ребко брал "на лапу". Кто-то лично об этом слышал, кто-то лично давал. После его смерти разговоры о коррупции в институте не только не утихли – многократно усилились. В прессе одна за другой стали появляться статьи, в которых говорилось о том, что Ребко не один такой корыстолюбивый – там чуть ли не все такие, там чуть ли не каждый готов за счет студентов окупить финансовые затраты, связанные с поступлением на работу в медицинский институт.

Всем досталось от журналистов: и Вячеславу Третьякову, как было напечатано в одной из газет, "способного без зазрения совести отпустить на волю за большие деньги большого вора и за маленькие деньги посадить в неволю маленького честного человека". И Анатолию Кудрявцеву, к которому собратья-журналисты были особенно беспощадны. И Изабелле Дзержинской, чье имя в короткий срок стало синонимом женской порочности. И Ольге Грушиной, заплатившей салону красоты невероятные по местным меркам деньги за стрижку интимных мест, о чем было тут же с радостью сообщено всеми печатными изданиями города.

И только к Леше Соловушкину общественное мнение было более чем благосклонно. О нем и писали больше, чем о других, и не так зло. Его амурные похождения вызывали жгучий интерес читателей, чем еще долгое время охотно пользовались газетчики во благо своих газет. Не успели певца похоронить под горькие рыдания вдовы и тещи, как несколько изданий опубликовали списки его любовниц. То, что они не совпадали даже наполовину, никого не смущало, поскольку все – и те, кто его знали, и те, кто его только слышали на концертах – были единодушны во мнении: списки соловушкинских любовниц сколько не составляй, полными никогда не будут.

***

Виктор Лемтюгов – слесарь завода комбайнов – всю жизнь любил одну женщину. В молодости он хотел жениться, но не успел – раньше на ней женился его лучший друг. Еще был друг из тех, кто не предаст и не продаст, но он влюбился в его женщину, и перестал быть другом. Вот так в один день Виктор остался без товарищей, без подруг, без надежды на то, что они

когда-либо у него появятся. В том, что они появятся, он долгое время сомневался, ибо за годы дружбы с другом, за которого вышла замуж его любимая женщина, и любви с женщиной, на которой женился друг, разучился любить и дружить с остальными людьми. Настолько, что, когда он все-таки женился, а женился он чуть ли не на первой встречной, принесшей ему через шесть месяцев после свадьбы дочь вместе со стойким неприятием к семейной жизни, рядом с ним не оказалось ни одной живой души, с кем можно было бы отвести душу или просто поговорить по душам. Поэтому, когда жена умерла, а неприятие к семейной жизни укоренилось настолько, что он без содрогания не мог думать о новом браке, в друзьях у него осталась одна хромая кошка с разодранным ухом, да десяток прожорливых голубей, которых он каждый день кормил с карниза вымоченными в молоке сухарями.

Незадолго до смерти ему позвонила дочь. Сказав, что по каким-то причинам прийти опять не сможет, скороговоркой поинтересовалась тем, как у него, папы, идут дела и, не дождавшись ответа, бросила трубку.

"Опять, видимо, муж вмешался, – решил Виктор. – До чего ж все-таки злопамятный".

Несколько лет назад он пообещал убить зятя, если тот, скотина, еще раз поднимет руку на его кровиночку. Зять то ли специально, то ли по недомыслию руку поднял и был в тот же день крепко бит. Бит – не убит, но с той поры дочь перестала к нему ходить и приглашать к себе в гости. Виктор пытался наладить отношения с ней и с зятем, однако ничего не добившись, отстал, мотивируя свое решение тем, что для дочери – не совсем молодой и совсем не красивой женщины с ребенком – отношения с плохеньким мужем гораздо важнее, чем с хорошим отцом.

Еще Виктор верил в то, что скоро умрет. И когда люди из списка Всевидящего один за другим стали уходить из жизни, понял, что не ошибся – всё так и будет. Он сходил в церковь, причастился, хоть не был верующим, обзвонил и попрощался с теми, кому еще можно было позвонить и стал ждать.

Ждать долго не пришлось. Однажды, когда он выходил из булочной, к нему подъехала красная иномарка с тонированными стеклами. Задняя дверца открылась, и чей-то добродушный голос из салона предложил подвезти. Несмотря на то, что до дома было два шага, Виктор принял приглашение, потому что, во-первых, его много лет никто не приглашал прокатиться в иномарке, а во-вторых, он не столько боялся смерти от рук незнакомых людей, как долгой и мучительной борьбы за жизнь знакомых врачей. Ему хотелось умереть быстро, так, чтоб на счет: раз-два-три, душа взлетела под потолок и, понаблюдав какое-то время за брошенным на кровати пустым телом, отправилась на встречу с бесконечным светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.